

ЕКАТЕРИНОСЛАВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

11-го Января № 2 1900 года.

— ⊖ ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ. ⊖ —

Разборъ протестантскаго взгляда на миссу, или литургію и ея значеніе для вѣрующихъ.

(Продолженіе *).

Но допустимъ на время, что на тайной вечери Христосъ Спаситель предложилъ ученикамъ своимъ тѣло и кровь только для яденія и питія, каковыя дѣйствія, по взгляду Меланхтона, имѣли и имѣютъ только значеніе свидѣтельства того, что Христосъ дѣйствуетъ въ насъ, какъ въ своихъ членахъ, и очищаетъ насъ своею кровію; въ такомъ случаѣ естественные обороты рѣчи, которые надлежало бы употребить Спасителю, чтобы не ввести въ заблужденіе своихъ учениковъ относительно совершаемаго имъ таинства, были бы таковы: примите, ядите, сіе есть тѣло мое, *которое дается вамъ*, и о чашѣ: пійте отъ нея вси, сія есть кровь моя, *которая вамъ проливается*. Однако не такія выраженія слышимъ мы изъ устъ Спасителя и, безъ сомнѣнія, потому, что совершенное Христомъ священнодѣйствіе на тайной вечери имѣло болѣе глубокаго смысла и значеніе, чѣмъ какой хотятъ видѣть въ немъ протестанты. Наконецъ, еслибы Христосъ дѣйствительно на тайной вечери предложилъ Апостоламъ тѣло и кровь свою только въ снѣдь, то въ такомъ случаѣ совершенно непонятнымъ и даже излишнимъ должно признать выраженіе Его относительно чаши: *«яже за многа* изливается во оставленіе

грѣховъ». При чемъ тутъ, спрашивается, многіе, когда Господь Спаситель имѣлъ дѣло только съ учениками? И далѣе, какимъ образомъ, предложенная Апостоламъ чаша приносится во оставленіе грѣховъ, если Господь Иисусъ имѣлъ пролить свою кровь за грѣхи всѣхъ людей только на крестѣ? Вопросы эти съ протестантской точки зрѣнія остаются неразрѣшенными. Да они и останутся таковыми до тѣхъ поръ, пока протестантская церковь не признаетъ за Евхаристіей значенія умиловительной жертвы. «Аще бо тѣло и кровь Христа тогда (т. е. на тайной вечери) снѣдію точію быша, разсуждаетъ Стефанъ Яворскій, а не жертва, то единѣхъ бы токмо Христосъ именоваль Апостоловъ, имъ же тогда даяше въ снѣдъ тѣло и кровь Свою, а многихъ бы не воспоминаль. Кто бо даетъ пищу, предолжаетъ онъ, присущимъ даетъ, а не многихъ неприсущимъ. Ниже бо рекль «во оставленіе грѣховъ»: пища бо не приносится во оставленіе грѣховъ, развѣ жертва» ¹⁾).

Съ не меньшею ясностію и, притомъ, неоднократно мысль о Евхаристіи, какъ жертвѣ, раскрываетъ и Ап. Павелъ въ своихъ посланіяхъ. Такъ, въ посланіи къ Кориноянамъ, отклоняя послѣднихъ отъ яденія идольскихъ жертвъ въ трепищахъ языческихъ, Ап. Павелъ противопоставляетъ трапезу Господню алтарю Іудейскому и прапезѣ языческой, на которыхъ обыкновенно приносились жертвы, а самую Евхаристію сопоставляетъ съ жертвами іудейскими и языческими, которыя, какъ извѣстно, приносились для очищенія отъ грѣховъ ²⁾. Не подлежитъ сомнѣнію, что какъ сопоставленіемъ, такъ и противопоставленіемъ трапезы Господней алтарю іудейскому и жертвамъ языческимъ Апостоль даетъ ясно понять, что и въ христіанскихъ храмахъ на священной трапезѣ въ таинствѣ Евхаристіи также совершается жертвоприношеніе, съ тою только существенною разницею, что это послѣднее дѣйстви-

¹⁾ Камень вѣры. Тракт. о св. литургіи ч. 1, гл. 4.

²⁾ 1 Кор. 8, 9, 13; 10, 11—21; посл. къ Евр. 13, 10—12.

тельно умилоствляетъ Бога и заслуживаетъ прощеніе грѣховъ людямъ, тогда какъ первыя не обладали таковымъ свойствомъ.

Уже достаточно приведенныхъ нами мѣстъ св. Писанія, чтобы убѣдиться въ той неоспоримой истинѣ, что ученіе о Евхаристіи, какъ жертвѣ, не только не противорѣчитъ св. Писанію, но, напротивъ того, имѣетъ для себя твердыя и непоколебимыя основанія въ немъ.

Впрочемъ, строго говоря, и самъ Меланхтонъ, не смотря на всѣ свои усилія отвергнуть значеніе Евхаристіи, какъ жертвы, въ дѣйствительности даетъ всѣ основанія къ признанію за нею этого свойства, и только одна предубѣжденность и крайняя озлобленность на злоупотребленія католической церкви относительно приложенія миссы сдѣлали его непослѣдовательнымъ въ своихъ выводахъ. Такъ, въ своемъ разсужденіи о миссѣ, онъ, между прочимъ, говоритъ, «что установленіе таинства (Евхаристіи) учреждаетъ тотъ порядокъ, чтобы совершалось общеніе, т. е. чтобы служители церкви подавали тѣло и кровь Господа и другимъ». Какого же рода, спрашивается, эти тѣло и кровь? Разумѣется тѣ, которыя принесены были Христомъ въ жертву умилоствленія Богу Отцу за грѣхи всего человѣчества, ибо иной плоти и крови Спасителя мы не знаемъ. А если такъ, то въ такомъ случаѣ, по тождеству приеваемыхъ вѣрующими тѣла и крови Господа въ таинствѣ Евхаристіи, эта послѣдняя должна быть признана такою же жертвою умилоствленія, каковою была и жертва Голгооская. Вотъ почему нѣкоторые изъ наиболѣе послѣдовательныхъ и добросовѣстныхъ протестантскихъ ученыхъ, сознавая всю непослѣдовательность протестантскаго богословія въ ученіи о таинствѣ Евхаристіи, выражали искреннее желаніе, чтобы этой послѣдней возвращено было ея истинное значеніе и смыслъ, какой издревле усвоила ей апостольская церковь». Opto, пишетъ одинъ изъ такихъ ученыхъ богослововъ, нѣкто Граббе, opto, ut docti e parte Protestantium viri hunc

Lutheri et Calvini errorem ac veram apostolicae ecclesiae doctrinam agnoscunt atque sanctissimas formulas liturgicas—in usum revocent; т. е., я желаю, чтобы ученые мужи из протестантскаго лагеря, сознавъ заблужданіе Лютера и Кальвина, убѣдились въ истинномъ ученіи апостольской церкви и возвратили къ употребленію святѣйшія литургическія формулы ¹⁾.

Теперь, что касается приводимыхъ Меланхтономъ мѣстъ изъ посланія Ап. Павла къ Евреямъ, въ которыхъ говорится, что «мы освящены есмь принесеніемъ тѣла Иисусъ Христова единою»; а также—«единѣмъ приношеніемъ совершилъ есть во вѣки освящаемыхъ ²⁾», то они отнюдь не исключаютъ необходимости евхаристической жертвы, и нисколько не служатъ и не могутъ служить основаніемъ для отрицанія умиловительнаго значенія ея, какъ это ошибочно полагаетъ Меланхтонъ. А чтобы убѣдиться въ этомъ, обратимъ вниманіе на контекстъ рѣчи, въ которомъ приводятся вышеприведенныя слова Ап. Павла.

Какъ это можно видѣть изъ содержанія посланія къ Евреямъ, Ап. Павелъ включительно до 10 главы ведетъ рѣчь о превосходствѣ Новаго Завѣта предъ Ветхимъ ³⁾. Между прочимъ, сопоставляя новозавѣтную жертву съ жертвами ветхозавѣтными ⁴⁾. Апостоль указываетъ на несравненное превосходство первой предъ вторыми. А именно, въ то время, говоритъ онъ, какъ жертвы священниковъ (раз. ветхозавѣтныхъ), не смотря на то, что ежедневно повторялись, тѣмъ не менѣе не очищали людей отъ грѣховъ, а только предъизображали это очищеніе, въ Новомъ Завѣтѣ Христосъ, новозавѣтный священникъ, однимъ принесеніемъ тѣла Своего навсегда «совершилъ освящаемыхъ», т. е. сдѣлалъ насъ совершенными ⁵⁾.

Итакъ, какъ видимъ, въ вышеприведенныхъ нами мѣстахъ Ап. Павелъ говоритъ о значеніи кровной жертвы Спа-

1) Догм. Богос. Арх. Филарета. СП. 1882 г. стр. 175 и 176. см. примѣчаніе.

2) Евр. 10, 10 и 14.

3) Въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія заслуживаютъ слѣдующія мѣста: 1, 1—14; 7, 11—28; 10, 10—14.

4) Гл. 10, 1—18.

5) Евр. 10, 10 и 14.

сителя, однажды принесенной Имъ на крестѣ, при чемъ выражаетъ ту мысль, что для нашего очищенія и освященія нѣтъ болѣе нужды въ другой, именно *кровной жертвѣ*, такъ какъ Господь Иисусъ Христосъ уже одною своею крестною смертію навсегда заслужилъ намъ прощеніе грѣховъ и освященіе. Но этимъ Апостолъ вовсе ни отрицаетъ, ни исключаетъ умѣстности, такъ называемой, евхаристической, или *безкровной жертвы*, объ употребленіи которой онъ даетъ слѣдующее наставленіе коринѳскимъ христіанамъ: «иже аще ясть хлѣбъ сей, или пьетъ чашу Господню недостойнѣ, повиненъ будетъ тѣлу и крови Господни»; а потому: «да искушаетъ человекъ себе, и тако отъ хлѣба да ясть, и отъ чаши да пьетъ: ядый бо и пійый недостойнѣ, судъ себѣ ясть и пьетъ, не разсуждая тѣла Господня» ¹⁾. Говоримъ—не упраздняетъ и не исключаетъ, потому что, такъ называемая, *безкровная жертва*, по самому существу своему представляетъ собою ничто иное, какъ только частное примѣненіе къ нуждамъ вѣрующихъ однажды принесенной и неповторяемой жертвы крестной. Дѣло въ томъ, что въ искупительной смерти Господа даны намъ только средства и возможность спасенія, равно какъ и приобрѣтены права для сего послѣдняго. Но для того, чтобы дѣйствительно усвоить себѣ плоды крестной жертвы Спасителя—оправданіе и спасеніе,—необходимо быть и дѣйствительными участниками этой жертвы; а это послѣднее *для живыхъ членовъ* церкви возможно только при условіи дѣйствительнаго принятія въ себя тѣла и крови Господа. И подобно тому, какъ больной не чрезъ одну только увѣренность въ цѣлебное свойство лѣкарства, а чрезъ дѣйствительное употребленіе его, возстановляетъ свои силы и становится здоровымъ; такъ же точно только чрезъ дѣйствительное принятіе тѣла и крови Христовой въ таинствѣ Евхаристіи мы на самомъ дѣлѣ становимся оправданными и освященными. Вотъ почему и Спаситель въ бесѣдѣ своей о хлѣбѣ животномъ, доказывая

¹⁾ 1 Кор. 11, 27—29.

недоумѣвающимъ іудеямъ важность и необходимость таинства Евхаристіи для будущихъ послѣдователей Своихъ, сказалъ: «аще не снѣсте плоти Сына человѣческаго, ни пиете кровѣ Его, живота не имате въ себѣ. Ядый Мою плоть и пійй Мою кровь, имать животъ вѣчный, и Азъ воскрешу его въ послѣдній день» ¹⁾. Такова сила и таково великое искупительное значеніе для вѣрующихъ таинства Евхаристіи! Какъ видимъ, въ немъ то именно и получаетъ свое завершеніе и достигаетъ своей цѣли жертва Голгооская.

В. Грековъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

СЕКТАНТСТВО и РАСКОЛЪ.

Хроника епархіальной миссіи.

Продолженіе *).

Старопечатныя книги о православіи восточной церкви учать вполне согласно съ только что приведенными историческими свидѣтельствами. Такъ, въ житіи преп. Діонисія сказано, что іерусалимскій патр. Теофанъ, въ 1619 году поставившій Филарета патриархомъ, «укрѣпляше (россіанъ) единомудрствовати, о еже держатися старыхъ законовъ *вѣческаго православія* и древнихъ уставовъ четырехъ патриаршествъ не отлучатися». Въ кн. Великій Катихизисъ, напечатанной въ 1627 году, говорится: «Начало вѣрѣ Христовѣ отъ Іеросалима пріятъ Римъ идѣже и до сего времени греки цѣлу и нерушиму сохраняють ея» (л. 26). Въ кн. Кирилловой, напечатанной въ 1643—44 г., сказано: «Глаголють, погубила царство восточная церковь увы прелести... яко ни днесъ ниже вчера сіе сбытѣся... Болѣе како не чудится, яко восточному царству премѣнишюся; благочестія же правость Богу соизволяющу пребыть не преклонна толико еще яснѣйша, яже и кромѣ царства царствуетъ... и царствуетъ Христова церковь, посредѣ мучителей нечестивыхъ, якоже кринь, посредѣ тернія цвѣтущи, немудростію человѣческаго стяжавши крѣпость... но самую рукою Божіею. Ото всюду утѣсняема,

¹⁾ Іоан. VI, 53 и 54.

^{*)} См. № 1-й наш. Вѣд. за 1900 г.

воюема отовсюду явными художествами, и тайными хитростями; обаче пребывает непоколебима, держащи и невреждимо соблюдающи вѣру, юже пріять отъ туду отъ священныхъ апостолъ, и богоносныхъ отецъ» (л. 462—3). Въ кн. о вѣрѣ, напечатанной только за 4 года до патр. Никона (въ 1643 г.), православіе восточной церкви похваляется слѣдующими словами: «Святая восточная во грецѣхъ обрѣтенная церковь, правымъ царскимъ путемъ, аще и вельми тѣснымъ, но обаче, отъ Исуса Христа Бога и Спаса нашего, и истинныхъ Его наслѣдниковъ утлаченнымъ, ни на право, ни на лѣво съ пути, не совращаяся, къ горнему Иерусалиму, сыны своя препровождаетъ, въ подданномъ отъ Господа Бога крестномъ терпѣніи; и ни въ чемъ установленія Спасителя своего, и блаженныхъ Его ученикъ, и святыхъ отецъ преданія, и седми вселенскихъ соборовъ, Духомъ Святымъ собранныхъ, уставъ, не нарушаетъ. ни отмѣняетъ и ни въ малѣйшей части не отступаетъ, ни прибавляя, ни отъбывая что, но яко солнце одинакоулучею правды всегда, аще и въ неволи пребывая, свѣтится правою вѣрою» (л. 27 об.) «Да заградятся всякая уста, глаголющихъ неправду гордынею и уничтоженіемъ, на смиренныхъ грековъ!» поучаетъ книга о вѣрѣ. Въ другомъ мѣстѣ та же книга говоритъ: «помощію Господнею въ восточнѣй церкви, четырехъ верховнѣйшихъ пастырей, по подобію четырехъ евангелистовъ имѣеть... и аще бы хотя единъ отъ нихъ и низпалъ, и все еже подлежащее подъ паствою стадо его, въ ту же яму винулъ, иначе православную церковь ни въ чемъ бы соблазнити могль, за не имѣемъ во всемъ равныя ему пастыри три, отъ того свободна паденія». . и аще бы и прилучилося когда таковое зараженіе (слѣдовательно, этого зараженія никогда не было), или не восхотѣлъ бы покаяться, то яко гнилой удъ отъять, и прочь отверженъ будетъ» (л. 185 об.). Въ книгѣ о вѣрѣ есть даже такое изреченіе: *„Слушати восточныя церкви и патріарха константинопольскаго, и прочихъ четырехъ, творитъ намъ оную пользу благословіе временное, и спасеніе вѣчное“*. И это доказываетъ слѣдующими доводами: „Руссійскому народу патріарха вселенскаго архіепископа константинопольскаго слушати, и ему подлжати и повиноватися въ справахъ (дѣйствахъ) и въ науцѣ духовной есть польза, и приобрѣтеніе веліе спасительное и вѣчное. Первое. Яко патріархъ обрѣтается и есть во единой святой соборной апостольской церкви, и бываетъ въ ней непоколебимымъ столпомъ, нося на себѣ истинное вѣры исповѣданіе. Второе. Яко патріархъ вѣру по святому евангелію и апостоломъ и святыхъ отецъ наученію исповѣдаетъ и

соблюдаетъ. Третье. Яко патріархъ пречистыя тайны тѣла и крове Христовыхъ, и вся ины святыни истинны имѣеть, и все яко отъ начала, яко древле, и яко всегда было, вѣруетъ и соблюдаетъ. Четвертое. Яко патріархъ держитъ и исповѣдуетъ вѣру святыхъ учителей вселенскихъ, на нихъ же церковь возлежить... Пятое. Яко патріархъ вѣру, выроки (догматы), и уставы, седми вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ, тако же и которыя по нихъ на утверженіе ихъ были держитъ и соблюдаетъ. Шестое. Яко патріархъ константинопольскій русіовъ крестилъ, и онъ народъ нашъ руссійскій въ вѣру и въ познаніе Бога привелъ митрополита и епископы и весь чинъ церковный и книги, и благопріятное благочестіе, и уставъ нашей церкви предалъ. Седьмое. Яко русія, отъ Бога, отъ собора вселенскаго, отъ царей, и князей и королей за правое строеніе и епархію подана есть константинопольскому и апостольскому престолу и вселенскому патріарху... И тако мы церкви константинопольскій, и патріархомъ престоловъ восточныхъ полезныхъ ради правыя вѣры, и для спасенія душевнаго, и благословенія временнаго приобѣгаемъ къ тому же... слушаемъ, александрійскаго, антиохійскаго, іеросалимскаго, и великой русіи, яко единовѣрныхъ константинопольскому архіереовъ почитаемъ и принимаемъ къ нимъ бо належать оны Христовы слова: слушаай васъ, мене слушаетъ, а отменяяся мене, отменяется пославшаго мя (Лук. 21). И истинно есть, кто слушаетъ патріарховъ, и отъ нихъ освящаемыхъ и посылаемыхъ, Христа слушаетъ, а кто отменяется ихъ, самого Христа Бога отменяется той» (л. 831—2).

Теперь, друзья мои, посудите сами: кому нужно больше вѣрить—Перетрухину-ли съ Механиковымъ, увѣряющимъ, что русская церковь еще прежде патр. Никона сомнѣвалась въ православіи греческой церкви, или старопечатнымъ книгамъ, которыя говорить, что восточная церковь, какъ солнце сіяетъ своимъ благочестіемъ?

Такъ какъ начетчики на бесѣду не пришли, а среди собравшихся человекъ до 50 слушателей возражателей серьезныхъ не было, то бесѣда не могла держаться одного назначеннаго вопроса. Послышались вопросы объ исправленіи книгъ, объ отреченіи ап. Петра, о томъ, церковь можетъ ли лишиться всѣхъ епископовъ и т. д. На всѣ эти вопросы о миссіонеръ давалъ разъясненія, стараясь не уклоняться отъ главнаго предмета собесѣдованія.

Бесѣда, начавшаяся въ 2 часа дня, кончилась въ 5 час. вечера. Слѣдующая бесѣда въ селѣ Городищѣ предназначена 14 сен-

тибря по вопросу „о почитаніи св. креста четвероконечнаго“, о чемъ и объявлено слушателямъ.

8 сентября о. противораскольнической миссіонеръ, свящ. С. Шалкинскій, велъ публичную бесѣду въ селѣ Орѣховѣ, въ едино-вѣрческомъ храмѣ, по вопросу о различіи между догматомъ вѣры и церковнымъ обрядомъ. Хотя къ бесѣдѣ приглашались всѣ видные представители раскола с. Орѣхова, во главѣ съ лжепомощь Сергѣемъ Токаревымъ, но ни одинъ изъ нихъ на бесѣду не явился, такъ что пришлось бесѣду провести только въ назиданіе собравшихся въ небольшомъ числѣ православныхъ и единовѣрцевъ. Вотъ содержаніе бесѣды о. миссіонера.

«Глаголемые старообрядцы, началъ онъ, говорятъ, что не ходятся въ единеніи съ нашей православной церковію потому, что она при патр. Никонѣ, чрезъ исправленіе богослужебныхъ книгъ, потеряла будто бы истинную вѣру. Но говоря такъ, старообрядцы обнаруживаютъ только свое невѣдѣніе. И дѣйствительно, спросите вы любаго изъ нихъ: *что есть вѣра?* и никто, не исключая и мнимаго ихъ батюшки, не дастъ вамъ на этотъ вопросъ яснаго отвѣта. Всѣ почти старообрядцы думаютъ, что двуперстіе—вѣра, сугубое аллилуія—вѣра, седмипросфоріе—вѣра, подручникъ—вѣра, лѣстовка—вѣра и т. д. Нѣтъ, ошибаются они, не зная писанія. Ибо священное Писаніе говоритъ, что *вѣра есть уповаемыхъ извѣщеніе, вещей обличеніе невидимыхъ* (Евр. XI, 1), или, какъ поучаетъ книга Малый Катихизисъ, *«вѣра есть крѣпкое и твердое разумнѣе о Бозѣ и вещей спасенныхъ, ихже невидимо сердцемъ видимъ и усты исповѣдуемъ»* (л. 2). Вѣра есть,—поясняетъ апостольскія слова св. І. Златоустъ,—взоръ безвѣстныхъ... яко се—воскресеніе не прииде, ниже есть въ составѣ, но упованіе составляетъ въ нашей души» (Бесѣд. на 14 посл. стр. 2979). Слѣдовательно, вѣра не есть что-то видимое, осязаемое, какъ, напр., перстосложеніе и подобное: эти предметы, будучи видимы, не могутъ быть вѣрою, а посему несправедливо и мнѣніе гл. старообрядцевъ, думающихъ, что чрезъ перемѣну хотя бы двуперстнаго сложенія на троеперстное перемѣнена и самая вѣра.

Неосновательно также мнѣніе старообрядцевъ и о томъ, что будто бы наша св. церковь нарушила или, какъ они говорятъ, порушила догматы вѣры. Слово *догматъ*—не русское слово; на нашемъ родномъ языкѣ оно замѣняется словами: ученіе, опредѣленіе, правила, строго опредѣленные, твердо установившіяся. А посему—догматъ вѣры есть ученіе о Богѣ и предметахъ, необходимыхъ для

нашего спасенія, ученіе, открытое самимъ Богомъ въ Священномъ Писаніи, принятое всею церковію, утвержденное на соборахъ и неподлежащее никакому измѣненію, убавленію и прибавленію. О неприкосновенности догматовъ вѣры сказалъ и ап. Павелъ: *аще мы (апостолы) или ангелъ съ небеси благовѣститъ вамъ паче, еже благовѣстихомъ, анаѡема да будетъ* (Гал. 1, 8). Такъ понимали эти слова и уважаемые гл. старообрядцами Стоглавый соборъ (гл. 79) и книга о вѣрѣ (л. 195—196). Догматическое же ученіе наша православная церковь, исправляя ошибки въ богослужебныхъ книгахъ, неизмѣнила, въ чемъ невольно сознаются и сами, болѣе начитанные представители современного раскола—старообрядчества. Такъ, напр., извѣстный раскольническій писатель лжесвященникъ Василій Механиковъ въ сочиненіи своемъ: «Историко-каноническое обзорѣніе старообрядческаго общества» на страницѣ 86 говоритъ: «старообрядцы волей-неволей оправдываютъ господствующую церковь, что она въ догматахъ вѣры не погрѣшаетъ». А если наша православная церковь не погрѣшаетъ въ догматахъ вѣры, то нѣтъ и законныхъ основаній отдѣляться отъ нея. Вѣдь первые расколуучители отдѣлялись отъ св. церкви потому только, что видѣли въ ней «все новое никоніанское мудрованіе и уложеніе ложно и лукаво, и отеческому писанію противно и богоборно и богомерзкое есть по всему», что «Никонъ, врагъ церковный, паки поднялъ ту попранную ересь (тройное аллилуіа), и поборники его безумные въ книгахъ новыхъ утвердили ту злохульную блядь послѣ Никона», и что, наконецъ, „онъ Никонъ, сынъ дѣволовъ, всякія расколы и раздоры Церкви русской сотворилъ повсюды и *догматы* многія святыхъ отецъ *превратилъ*, и книги старопечатныя всѣ охулилъ и въ тѣхъ мѣсто римскія развращенныя перепечаталъ по русски и въ церковь внесе *со многими ересями злыми*“. Такъ смотрѣлъ на православную церковь первоучитель раскола, діаконъ Ѳеодоръ (См. Правосл. Собесѣдн. за 1859 г. ч. 2, стр. 453—4). Такой взглядъ, по ученію современныхъ расколо-учителей, ложенъ, а слѣдовательно, неосновательно и ихъ косяніе въ расколѣ. Они возражаютъ, что хотя наша церковь въ догматахъ вѣры и непогрѣшаетъ, но тѣмъ не менѣе они имѣютъ законную причину отдѣляться отъ нея и эта причина заключается *въ перемѣнѣ обрядовъ*... Поговоримъ и объ этомъ. Слово *обрядъ* происходитъ отъ глагола: рядить, обряжать, наряжать и служить только для внѣшняго, видимаго выраженія невидимаго догматическаго ученія. Но какъ мысль можетъ быть выражена разными словами, такъ равно и догматъ можно выразить посредствомъ раз-

ныхъ видимыхъ знаковъ или обрядовъ. А посему обрядъ уже не есть неизмѣняемъ и неприкосновененъ, но какъ видимая вещь, можетъ измѣняться и, дѣйствительно, измѣнялся, не повреждая догматическаго ученія. Возьмемъ для примѣра перстосложеніе. Для выраженія вѣры во Св. Троицу мы слагаемъ три первые перста, слагаемъ ихъ воедино, дабы показать Ея единосущіе; двумя послѣдними перстами выражается ученіе о двухъ естествахъ Богочеловѣка, Иисуса Христа. Тоже самое ученіе выражается трикиріемъ и дикиріемъ. Въ перстосложеніи пять *пальцевъ*, тамъ пять *свѣчъ*: разные предметы, а ученіе одно. Значить, обрядъ, которымъ выражается какое-либо догматическое ученіе, не есть самъ по себѣ неизмѣняемый догматъ. Далѣе. Предположимъ, что для трикирія употреблены 1, 2 и 3-я свѣчи, а для дикирія 4 и 5, но потомъ на трикирій поставили 1-ую, 4 и 5 свѣчи, а на дикирій 2 и 3. Какъ вы думаете: перемѣнилось-ли ученіе, выражаемое трикиріемъ и дикиріемъ, отъ перемѣны свѣчъ, и нужно-ли изъ за этой перемѣны отдѣляться отъ св. церкви? Конечно, нѣтъ. Слѣдовательно, и отъ перемѣны перстовъ догматическое ученіе, выражаемое обрядомъ перстосложенія, не измѣняется и слишкомъ безразсудно было бы изъ за этого лишаться святаго единенія съ Христовой Церковію. Итакъ, перемѣна обрядовъ церковныхъ не служитъ доказательствомъ перемѣны вѣры или догматовъ вѣры и не даетъ права отдѣляться изъ за этой перемѣны отъ св. церкви“.

Послѣ этого о. миссіонеръ указалъ нѣсколько примѣровъ изъ церковной практики объ отмѣненіи обрядовъ и обычаевъ церковныхъ (5 пр. св. апост.=12 пр. VI в. соб.; 37 апост., 5 I в. соб., 19 IV в. соб.=8 VI в. соб. и 6 VII в. соб.; 26 апост.=10 анкирск.; 3 неокес.=кормч. л. 574; 15 неокесар.=16 VI в. соб.; 1 ап. Петра и Павла=29 лаод.; 11 и 19 лаод., 82 и 101 VI в. соб.).

Въ заключеніе бесѣды о. миссіонеръ сказалъ: «Догматы вѣры—это жизнь, правила церковныя—пища, обряды—сосуды. Безъ жизни—человѣкъ становится трупомъ и разлагается, безъ пищи—онъ можетъ прожить только самое короткое время и непременно умретъ въ самыхъ страшныхъ мученіяхъ; отъ перемѣны же сосудовъ пища не теряетъ своихъ питательныхъ свойствъ и не вредитъ жизни и здоровью человѣка».

Бесѣда продолжалась около 2 часовъ. Въ числѣ присутствовавшихъ на бесѣдѣ были: единовѣрческій священникъ о. Наумъ Сычевъ съ своимъ псаломщикомъ.

Протестантизмъ и штундизмъ.

Продолженіе *)

Что касается упадка религіознаго духа и преобладанія внѣшней обрядовой стороны, то это, конечно, можетъ быть и въ богооткровенной религіи, и ничего не говоритъ противъ неизмѣняемости богооткровенныхъ религіозныхъ истинъ и тѣхъ внѣшнихъ формъ, которыя служатъ нагляднымъ выраженіемъ этихъ истинъ. Естественно также, что съ появленіемъ на землѣ Христа-Мессіи, ветхозавѣтная религія была отмѣнена въ тѣхъ своихъ пунктахъ, которые имѣли временное—воспитательное и подготовительное значеніе. Новозавѣтная же богооткровенная религія—разсуждаютъ далѣе теологи примирительнаго и конфессіональнаго направленія—какъ религія абсолютно совершенная, не можетъ уже развиваться и измѣняться въ смыслѣ прогрессивнаго усовершенствованія въ своей сущности. А отсюда само собою слѣдуетъ, что и тѣ внѣшнія формы, въ которыхъ она первоначально проявилась, также должны быть абсолютно совершенны и неизмѣнны. Поэтому задача реформаціи, по мнѣнію вышепоименованныхъ теологовъ, должна была состоять и, безъ сомнѣнія, первоначально состояла не въ томъ, чтобы отвергнувъ католицизмъ, какъ устарѣлую, отжившую свой вѣкъ религіозную систему, замѣнить ее какой-либо новой, соотвѣтствующей тогдашнему общему развитію римско-католическаго міра, христіанской системой, а только въ томъ, чтобы обновить католицизмъ, и очистить его отъ тѣхъ, совершенно чуждыхъ истинному христіанству, чисто человѣческихъ элементовъ, которые, постепенно накопляясь, въ послѣднее предъ реформаціей время, подобно плещу обвивали первоначальный стволъ христіанской религіи. «Реформація—говоритъ Мартензенъ—не хотѣла образовать никакой частной церкви, но хотѣла Святую вселенскую церковь очистить отъ заблужденій, которыя въ теченіи времени примѣшивались къ

*) См. № 1-й 1900 г.

богооткровеннымъ истинамъ христіанской церкви, затемняя ея чистый образъ. Она желала не просто субъективнаго христіанства, но вселенскаго, первоначально-каолическаго христіанства въ обновленномъ видѣ. Поэтому она возвратилась не только къ тому, что передали апостолы въ Писаніи, но и вообще къ первымъ христіанскимъ вѣкамъ, церковныя свидѣтельства, которыхъ несутъ слѣды первоначальной чистоты и свѣжести новой христіанской жизни. Но, къ сожалѣнію, реформація не выполнила своей задачи, не достигла предположенной благой цѣли во первыхъ потому, что не легко было, отвергнувъ Преданіе, возстановить когда-то существовавшую, но уже въ католицизмѣ исчезнувшую, или по крайней мѣрѣ значительно измѣнившуюся форму религіознаго сознанія, а во вторыхъ, и главнымъ, образомъ потому, что реформаторы, выходя прежде всего изъ противоположности къ ненавистному имъ католицизму, впали въ противоположную крайность и этимъ положили начало новой формѣ религіознаго сознанія, новому принципу—принципу протестантизма, который съ теченіемъ времени пріобрѣталъ все большую и большую силу»¹⁾. Поэтому, чтобы вполнѣ понять и выяснить основныя черты протестантизма, нужно выводить ихъ изъ совершенной противоположности протестантизма католицизму, положивъ въ основаніе этой противоположности господствовавшую въ первые времена реформаціи мысль о глубокомъ, доходящемъ почти до полной противоположности, различіи между Закономъ и Евангеліемъ. 1) Католицизмъ, основываясь на правахъ церковнаго авторитета, по которымъ толкованіе св. Писанія, а равно и рѣшеніе всякаго рода религіозныхъ вопросовъ предоставлено лишь, руководимой Духомъ Святымъ, церкви, какъ ея исключительное и неотъемлемое право, претендоваль, какъ выражаются протестанты, въ дѣлѣ вѣры и личнаго спасенія каждаго изъ своихъ членовъ, на исключительное обладаніе истинной и при томъ такой, которая стоитъ выше всякихъ противорѣчій

¹⁾ *Martensen. Die shristliche Dogmatik, zweit. Ausg. 1856. Vorwort. S. 4.*

и возражений, а потому требовалъ отъ каждаго католика полнѣйшаго и безприкословнаго подчиненія и повиновенія церкви въ дѣлахъ вѣры—отсюда первая характеристическая черта протестантизма—полнѣйшее отрицаніе всякаго церковнаго авторитета и всего церковнаго преданія, какъ проявленія этого авторитета, предоставленіе каждому права руководствоваться въ дѣлахъ вѣры и собственнаго спасенія однимъ только Писаніемъ, какъ несомнѣнно истиннымъ и чистымъ источникомъ вѣры, понимать и толковать его при помощи своего собственнаго разума, озаряемаго, какъ думаютъ протестанты, Духомъ Святымъ, а потому и ненуждающагося ни въ какомъ руководствѣ церкви. 2) Католицизмъ представлялъ собою такую систему, въ которой каждый отдѣльный членъ церкви самъ по себѣ не имѣлъ никакого значенія въ дѣлѣ вѣры и собственнаго спасенія и потому могъ быть истиннымъ католикомъ-христианиномъ и рассчитывать на свое спасеніе, поколику принадлежалъ къ римско-католической церкви, жилъ общою съ нею жизнію, въ которой поглощалось его собственное религіозное я, и исполнялъ всѣ ея обряды и предписанія—отсюда вторая характеристическая черта протестантизма—предоставленіе каждому права и возможности, по мимо церкви, имѣть источникъ вѣры въ самомъ себѣ, въ глубинѣ своего собственнаго религіознаго сознанія, самому заботиться о своемъ собственномъ личномъ спасеніи, самому быть, такъ сказать, въ отношеніи къ себѣ церковію. 3) Католицизмъ придавалъ почти исключительное значеніе въ дѣлѣ спасенія внѣшней сторонѣ религіи—священнымъ дѣйствіямъ и обрядамъ; отсюда третья характеристическая черта протестантизма—отсутствіе всякой обрядности, убѣжденіе въ томъ, что спасеніе зависитъ исключительно отъ вѣры, отъ внутренняго религіознаго сознанія и расположенія, внѣшняя-же сторона религіи имѣетъ значеніе настолько, насколько она служитъ выраженіемъ этого внутренняго сознанія и расположенія. Вотъ основныя характеристическія черты протестантизма, вытекающія изъ противополо-

ложности его къ католицизму. Продолжая далѣе сравненіе этихъ двухъ религіозныхъ системъ и противопоставляя одну другой, мы можемъ вывести еще дальнѣйшія второстепенныя характеристическія черты протестантизма, а именно: 4) Католицизмъ, въ религіозной системѣ котораго преобладаетъ объективный элементъ, въ основѣ своего религіознаго міровоззрѣнія ставитъ ученіе о Богѣ, Его свойствахъ, Его отношеніи къ міру и проч. и затѣмъ уже переходитъ къ ученію о спасеніи человѣка—протестантизмъ, наоборотъ, начинается съ человѣка, его грѣховнаго состоянія и отсюда уже восходитъ къ Богу, какъ Испытателю и Спасителю, а потому въ его религіозныхъ системахъ не отводится никакого мѣста догматамъ, заключающимъ въ себѣ ученіе о Богѣ, и этимъ догматамъ протестантское религіозное міровоззрѣніе не придаетъ почти никакого значенія въ дѣлѣ спасенія человѣка. 5) Католицизмъ обращается преимущественно въ области религіозной мысли, а потому его религіозная система изобилуетъ догматическими опредѣленіями, нравственными предписаніями и проч.—протестантизмъ, напротивъ, живетъ почти исключительно въ области религіознаго чувства, а потому крайне бѣденъ догматическими опредѣленіями, не имѣетъ никакого нравственнаго кодекса, кромѣ Евангелія, но за то богатъ религіозными гимнами и псалмами, въ которыхъ выражаются съ одной стороны чувства человѣка-грѣшника, сокрушающагося о своихъ грѣхахъ, а съ другой—восхваляется милосердіе Испытателя, идущаго навстрѣчу грѣшнику и всегда готоваго покрыть его грѣхъ своимъ милосердіемъ. Какъ на особенно важную характеристическую черту протестантизма, нужно еще указать на примѣненіе къ жизни практической стороны христіанства, именно тѣхъ пунктовъ его, которые способствуютъ развитію и процвѣтанію семейной и соціальной жизни человѣка. Эта, по видимому маловажная, черта протестантизма, которой послѣдователи его обязаны своимъ блестящимъ экономическимъ положеніемъ, дѣлаетъ протестантизмъ во всѣхъ его видахъ

симпатичнымъ и привлекательнымъ, особенно для простаго народа, привыкшаго въ своей тяжелой и многотрудной жизни искать поддержки въ религіи, и, по нашему мнѣнію, составляетъ его жизненную силу. Выяснивъ характеристическія черты протестантизма, переходимъ теперь къ изложенію сущности его ученія, къ его основному принципу.

Въ основаніи протестантскаго религіознаго міровоззрѣнія лежитъ выведенное протестантами изъ ложнаго представленія о евангельскомъ христіанствѣ ученіе объ оправданіи человѣка вѣрою. Вотъ сущность этого ученія: «Ни одинъ человѣкъ не можетъ оправдаться предъ святымъ Богомъ и имѣть притязаніе на заслугу только потому, что онъ совершилъ въ своей жизни такое или иное количество добрыхъ дѣлъ; ибо самое ревностное исполненіе закона все-таки оказывается недостаточнымъ, и самыя лучшія дѣйствія человѣка все-таки запятнаны грѣховностію и не могутъ освободить человѣка отъ сознанія его грѣховности и виновности предъ Богомъ. Освобожденіе отъ отъ чувства виновности мы приобрѣтаемъ только чрезъ актъ нашего глубочайшаго самосознанія, по которому мы признаемъ и съ сердечною болью чувствуемъ свою виновность во всемъ ея объемѣ, и стараемся найти прощеніе грѣховъ и силу новой жизни въ предлагаемомъ намъ въ Иисусѣ Христѣ примиреніи и искупленіи, которому и предаемся съ безраздѣльною увѣренностію. Этотъ актъ и есть *вѣра*. И такъ какъ вѣра есть чисто внутренній актъ человѣка, такъ какъ она даетъ почву для новаго образа мыслей и въ общеніи со Христомъ доставляетъ новый принципъ жизни, то вмѣстѣ съ этимъ возвращается и нравственность къ истиннымъ своимъ основаніямъ. Засоренный ключъ глубоковнутренней духовной жизни, изъ котораго должно вытекать всякое внѣшнее проявленіе ея, открывается снова. Связанная совѣсть освобождается, возвращается къ истинному пути, и христіанство, отягченное произвольнымъ бременемъ ¹⁾ снова освобождается отъ этого бре-

1) Т. е. догматическими опредѣленіями, внѣшними обрядами, нравственными предписаніями и проч.

мени. Вѣрующій человекъ считается оправданнымъ; но оправданіе приписывается ему не въ томъ смыслѣ, будто Богъ сообщилъ ему чуждую его праведность, сдѣлавши его, какъ бы посредствомъ магическаго превращенія, изъ грѣшника и неправедника—святымъ и праведнымъ, но въ томъ, что вѣрующій человекъ, ради одной своей вѣры, созерцается предъ Богомъ какъ праведникъ. Долготерпѣливый и милосердый Богъ принимаетъ вложенный въ вѣрующаго человека, вслѣдствіе его общенія со Христомъ, принципъ новой жизни за рядъ эволюцій, которыя должны органически развиваться изъ этого принципа, принимаетъ потенціи—за безконечную сумму дѣйствій, почку—за плодъ. Ибо въ вѣрѣ, какъ потенціи, никогда не остающейся въ покоѣ, заключается уже живая производительная сила богоугодной дѣятельности, все сильнѣе и сильнѣе проявляющаяся во внѣшнемъ поведеніи человека. И развитію этой силы ничто столько не содѣйствуетъ, какъ глубокое сознаніе свободной, ничѣмъ не заслуженной благодати искупленія» ¹⁾.

Изъ этого ученія объ оправданіи человека вѣрою усматривается, что протестантизмъ, въ противоположность католицизму, въ которомъ все отрѣшено отъ внутренняго религіознаго расположенія, сдѣлалось чѣмъ-то внѣшнимъ, придаетъ главное значеніе въ дѣлѣ религіи внутреннему религіозному расположенію, убѣжденію въ томъ, что въ религіи все зависитъ только отъ внутренняго расположенія воли и духа, отъ личнаго благочестія индивидуума. Въ дѣлѣ вѣры и своего собственнаго спасенія каждый человекъ прежде всего долженъ чувствовать и сознавать себя сосершенно свободнымъ самоопредѣляющимся нравственнымъ субъектомъ, которому предоставляется безусловное право самому вѣдать свое спасеніе, какъ дѣло его собственнаго глубочайшаго внутренняго интереса. А потому все то, чего онъ, по своему собственному свободному расположенію, по своей внутренней самости, не

¹⁾ *Der deutsche Protestantismus, seine Vergangenheit et. caet., drit. Ausg. S. 27 u. ff.*

признаетъ за основаніе своего спасенія—все это не можетъ дать ему увѣренности въ его спасеніи. Въ этомъ смыслѣ принципъ протестантизма есть принципъ субъективности, полнѣйшая автономія самосознающаго нравственнаго субъекта. Но это только одна сторона сущности протестантизма—сторона субъективная, которой противопоставляется не менѣ существенно относящаяся къ нему другая сторона—объективная, по которой протестантъ во всемъ, что касается его спасенія и принадлежитъ къ содержанію его религіознаго сознанія, считаетъ себя безусловно зависимымъ отъ Бога и божественной благодати. Что объ эти стороны, или оба принципа—субъективный и объективный тѣсно и существенно связаны одинъ съ другимъ, входятъ одинъ въ другой—это особенно ясно обнаружилось въ эпоху происхожденія протестантизма, во времена реформаци, когда величайшее проявленіе энергіи самосознанія и свободы въ дѣлѣ вѣры (лютеранство) идетъ руку объ руку съ признаніемъ безусловнѣйшей зависимости чело-вѣка въ дѣлѣ его спасенія отъ всеопредѣляющей причинности—Бога (кальвинизмъ). Примиреніе обоихъ этихъ принциповъ, составляющихъ сущность протестантизма и въ тоже время образующихъ по своему значенію совершенную противоположность, и составляетъ будто бы задачу протестантизма, которая должна быть рѣшаема прогрессивно, пока, наконецъ, не будетъ достигнута такая религіозная форма, въ которой оба принципа—субъективный и объективный будутъ приведены, насколько возможно, къ полному и гармоническому единству. Но такъ какъ, съ другой стороны исторія протестантизма показываетъ, что всякая попытка соединить оба принципа въ одномъ какомъ-либо высшемъ единствѣ, иначе сказать заключить протестантизмъ въ одну какую-либо опредѣленную устойчивую форму, назначить ему границы, всегда разсматривалась какъ нѣчто совершенно противное духу протестантизма, пугающагося всякихъ опредѣленныхъ и устойчивыхъ формъ христіанства—то очевидно, что главнымъ принципомъ про-

тестантства нужно признать принципъ субъективности, представляющей каждому полнѣйшую свободу въ дѣлѣ вѣры и его собственнаго спасенія подъ единственнымъ руководствомъ Евангелія. Отсюда само собою понятно, что протестантизмъ, по самой сущности своей, никогда не имѣлъ и не можетъ имѣть никакихъ, болѣе или менѣе устойчивыхъ, положительныхъ религіозныхъ доктринъ, которыя-бы сколько-нибудь опредѣленно и точно выражали его религіозное міровоззрѣніе, а проявляется главнымъ образомъ въ своемъ отрицательномъ отношеніи къ древне-христіанскимъ, давно уже опредѣлившимся и установившимся вѣроисповѣданіямъ. Этимъ-же объясняется шаткость и неустойчивость протестантовъ, какъ въ религіозныхъ убѣжденіяхъ, составляющихъ положительную сторону ихъ религіознаго міровоззрѣнія и построенныхъ на крайне зыбкой почвѣ субъективизма, такъ и въ тѣхъ до крайности бѣдныхъ и малочисленныхъ обрядахъ, въ которыхъ эти религіозныя убѣжденія находятъ свое выѣшнее выраженіе.

Итакъ мы выяснили, насколько могли, причины происхожденія западнаго опротестантизма, указали главнымъ характеристическія черты его, сущность его ученія и его основной принципъ. Теперь переходимъ къ нашему южнорусскому штундизму.

И. Викторовскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Памяти протоіеря о. Александра Георгіевича Матвѣвскаго.

20 ноября, въ три часа по полудни, скончался протоіерей о. А. Г. Матвѣвскій, на 61 году жизни, болѣе двухъ лѣтъ тому назадъ пораженный параличемъ.

Александръ Георгіевичъ на второмъ году жизни остался отъ родителей и попалъ въ домъ дяди своего эконома Екатеринославской Духовной Семинаріи, Сильвестра Матвѣвскаго, человека

черствого, сурового. Всѣмъ, прошедшимъ семинарскую школу въ бытность при ней „эконома Сильвестра“, послѣдній достаточно извѣстенъ, какъ лучшее типическое воспроизведеніе гоголевскаго Плюшкина. Много горя вынесъ А. Г. въ домѣ дяди. Что родственныя чувства дяди были не особенно глубоки, видно изъ слѣдующаго. Случилось Малюткѣ Александру сильно заболѣть, и дядя Сильвестръ не задумался выгнать несчастнаго изъ дому. Но десница Божія привлекла къ сироткѣ состраданіе чужихъ для него людей и спасла жизнь страдалца. А. Г. былъ опредѣленъ въ училище также стараніемъ добрыхъ, хоть и чужихъ ему, людей. Съ усердіемъ окончивъ училище, А. Г. перешелъ въ Семинарію. Въ Семинаріи А. Г. всегда отличался трудолюбіемъ и аккуратностью въ исполненіи своихъ обязанностей, умѣлъ заслужить довѣріе начальства, благорасположеніе и любовь товарищей. Господь надѣлилъ А. Г. чуднымъ голосомъ (basso). Въ пятидесятыхъ годахъ А. Г. вмѣстѣ съ блаженной памяти И. Ю. (впослѣдствіи протоіереемъ г. Мариуполя о. Илією Юрьевымъ) составляли красу архіерейскаго хора. А. Г. былъ истый любитель и цѣнитель пѣнія и обладалъ чуднымъ свойствомъ голоса: чѣмъ болѣе пѣлъ о. Александръ, тѣмъ большую интенсивность, гибкость и колоритность обнаруживалъ его могучій голосъ.

Первымъ мѣстомъ служенія о. Александра была Авдѣвка (1861 г.), въ то время приходъ бѣдный, далеко необеспечивавшій приходскаго священника. о. Александру приходилось землѣдѣльческимъ трудомъ восполнять скудныя средства къ жизни. Постановленный въ необходимость добывать средства для многочисленной семьи физическимъ трудомъ, о. Александръ не уклонялся отъ главной задачи пастыря служить пасомымъ: для просвѣщенія деревенскихъ ребятшекъ о. А. въ церковной сторожкѣ открылъ школу и самъ велъ въ ней обученіе крестьянскихъ дѣтей. Трудно приходилось многосемейному о. Александру въ бѣдномъ приходѣ; но не любилъ онъ мѣнять приходы и прослужилъ въ Авдѣвкѣ 22 года. И только, когда подросшія дѣти потребовали средствъ для воспитанія (у о. А. въ живыхъ 10 сыновей и 2 дочери), о. А. долженъ былъ перейти въ лучшій приходъ, новооткрытый въ 1883 году въ м. Юзовкѣ. При вступленіи въ приходъ о. Александра, храма не было въ Юзовкѣ. Для молитвеннаго объединенія православныхъ рабочихъ о. А. сталъ въ своей квартирѣ совершать въ воскресные и праздничные дни всенощное бдѣніе. Вторая половина того-же зданія служила мѣстомъ собранія евреевъ на молитву.

Тяжела и малозначуща въ то время была роль священника на Юзовкѣ. Но о. Александръ искусомъ жизни пріобвыкъ побѣждать житейскія невзгоды: тяжелымъ, но ровнымъ и спокойнымъ шагомъ онъ шелъ къ намѣченной цѣли. Господь скоро указалъ своему служителю средства и пути для устройства храма. Съ устройствомъ послѣдняго пастырскій взмахъ о. Александра становился шире и вообще открывался большой и большой просторъ для пастырскаго дѣла. И чѣмъ больше поле открывалось для дѣятельности, тѣмъ съ большимъ усердіемъ и настойчивостью о. Александръ водружалъ въ новомъ приходѣ знамя достойнаго пастыря. Состоя изъ разнаго пришлаго люда, живущаго среди иновѣрцевъ, приходъ Юзовка предъявляетъ приходскому пастырю особыя требованія. И интеллигенты, и еще болѣе полунинтеллигенты, и особый типъ „заводскаго рабочаго“ требуетъ отъ пастыря осмотрительности въ словѣ и дѣлѣ и особаго вниманія къ себѣ и всему окружающему. Все это хорошо понялъ о. А. при вступленіи въ приходъ Юзовки. И уже преполовившуся дню жизни о. А. (ему было болѣе 45 лѣтъ) работалъ надъ собой, не разставаясь съ книгой и стараясь усовершенствовать себя въ болѣе и болѣе достойномъ служеніи Господу. Всякій значительный случай изъ приходской жизни для о. А. былъ предметомъ пастырскаго назиданія. Но назидая своихъ пасомыхъ словомъ, о. А. горяздо болѣе назидалъ ихъ своею жизнью: всегда трезвый, трудолюбивый, ставившій выше всего исполненіе пастырскихъ обязанностей, о. Александръ уважалъ достоинство человѣка и въ сослуживцѣ своемъ и въ каждомъ прихожанинѣ, и потому всегда былъ справедливъ, ласковъ, снисходителенъ и отзывчивъ къ нуждамъ другихъ. Ни изъ членовъ клира, ни изъ прихожанъ никто не помнитъ, чтобы о. А. выходилъ изъ себя въ раздраженіи или оскорбилъ кого-нибудь словомъ.

Сознавая высоту пастырскаго служенія и отвѣтъ предъ Богомъ и обладая счастливымъ здоровьемъ, о. Александръ исполненіе своихъ обязанностей доводилъ до подвига. Первые пять лѣтъ по переходѣ въ Юзовку о. А. былъ одинъ въ приходѣ. Ему приходилось дѣлать дѣло, которое теперь раздѣляется между тремя священниками. Были случаи, когда о. А. по 24 часа проводилъ въ непрерывномъ трудѣ, не выходя изъ храма, вслѣдъ за богослуженіемъ отправляя обязанности духовника. Богослуженіе одного дня отъ богослуженія слѣдующаго въ такихъ случаяхъ для о. А. отдѣлялось лишь получасовымъ промежуткомъ времени, когда онъ въ изнеможеніи склонялъ голову на аналогій и тѣмъ подкрѣплялъ свои силы. Такъ было во время

холеры. Нужно быть искренно убѣжденнымъ въ святости своего дѣла, нужно обладать неборимой силой христіанскаго мужества, чтобы смиренному священнику съ крестомъ и евангелиемъ въ рукахъ, въ дни позорно пресловутаго Юзовскаго погрома-бунта (1892 г.), предъ разъяренной и опьянѣвшей отъ ожесточенія многотысячной толпой убѣжденныхъ бундарей выступить съ словомъ увѣщанія въ то время, когда озвѣрѣвшая толпа бросала всѣхъ несочувствовавшихъ адскому дѣлу въ пламя великаго пожарища, которое представляла въ то время изъ себя Юзовка. А о. А. въ тѣ страшные дни обнаружилъ всю мощь пастырскаго духа. И лишь глубокая преданность своему пастырю пасомыхъ могла изъять жизнь дорогого пастыря изъ челюстей смерти... Словомъ, о. А. былъ вѣрнымъ рабомъ Господу своему. И тотъ духовный образъ, какимъ жизнь достойнаго пастыря сфотографировала его въ сердцахъ прихожанъ, неизгладимъ на всю жизнь ихъ и, какъ святыни, будетъ передаваться потомству. Пастырскимъ усердіемъ о. А. созданы въ Юзовкѣ: величественный для трехъ престоловъ св. храмъ, церковь-школа, двѣ церковно-приходскія школы, конторская школа, организованы церк.-приходскія Попечительство и Братство и мн. др. Да, подвигомъ добрымъ о. А. подвизался и тѣмъ воздвигъ себѣ памятникъ нерукотворенный. Не съ краснаго крыльца, незамѣченнымъ А. Г. вступилъ въ жизнь, за то напутствуемый молитвеннымъ благословеніемъ и благожеланіемъ и искренними слезами многихъ тысячъ людей изыде изъ сея юдоли въ домъ Отчій. Достоиню примѣчанія, что день Ангела и рукоположенія о. А. во іерея 23 ноября сталъ днемъ погребенія тѣла его. На долю рѣдкихъ изъ іереевъ выпадаетъ чествованіе, которымъ былъ почтенъ прахъ о. А. Къ часу выноса тѣла изъ убогой квартиры собралась многотысячная толпа почитателей, начиная отъ самаго г. Юза и до послѣдняго рабочаго. Тутъ были и евреи, и англичане. Вся эта масса народа провожала тѣло въ храмъ, плотной стѣной стояла въ храмѣ на заукокойной литургіи и при отпѣваніи тѣла и послѣ всего проводила тѣло до могилы. Въ отпѣваніи тѣла принимали участіе шесть священниковъ и три діакона. Особенно прочувствованнымъ, до слезъ умиленнымъ при погребеніи было чтеніе (сквозь слезы) діакономъ В. Цариненко изъ чинопослѣдованія стихирь по пѣвнѣ аллилуія и стихирь самогласныхъ. Послѣ заукокойной литургіи, предъ погребеніемъ священникомъ о. Н. Иваницкимъ было сказано слово на тему «блаженъ путь, въ оныя же идеши, душе». Послѣ канона сослуживецъ усопшаго, священ. о. Д. Кащенко напутствовалъ отошедшаго такимъ словомъ. „Еще не-

много времени, и твои бранные останки на вѣки закроются крышкой гроба и надъ тобою исполнится опредѣленіе Творца „земля еси“. Очами тѣлесными мы никогда не увидимъ тебя, но твой духовный образъ неизгладимо запечатлѣлся въ нашихъ сердцахъ: мертвый тѣломъ, ты духомъ живъ, витаешь среди насъ. Позволь-же, незабвенный, хоть слабымъ словомъ нарисовать твой образъ. Въ домѣ бѣдныхъ родителей ты явился на свѣтъ Божій; съ двухъ лѣтъ ты остался сиротою, предоставленный нуждѣ и лишеніямъ. И за школьной скамьей и по выходѣ изъ школы ты закалялъ себя въ трудѣ. Первая твоя нива, данная тебѣ Провидѣніемъ для пастырскаго воздѣлыванія, была запущена, на ней росли терніе и сорные травы. Терпѣливо, изъязвляя себя, ты разчищалъ ниву—твой приходъ, для сѣянія Христова. Языческіе обычаи, грубость нравовъ и пьянство въ твоей Авдѣвской паствѣ ты искоренилъ пастырскимъ твоимъ воздѣйствіемъ. Языкъ народнаго горя и нужды тебѣ весьма понятенъ: ты самъ вступи въ тяжелыхъ цѣпяхъ нужды. Ты уяснилъ себѣ и причину народнои нужды—невѣжество народа. И потому всю жизнь велъ борьбу съ этимъ врагомъ народнаго благополучія. Вотъ одна изъ картинокъ такой борьбы въ Авдѣвкѣ. Ветхая и тѣсная избышка—церковная сторожка полна дѣтьми. Не говоря объ учебникахъ и принадлежностяхъ, школа бѣдна и свѣтомъ и воздухомъ и даже мѣстомъ для занятій учениковъ. Дѣти сидятъ на полу, а ты ихъ изустно и посредствомъ записи на классной доскѣ учишь, наполняешь юныя дѣтскія сердца живою водою, ученіемъ Христовымъ. 22 года усиленнаго твоего труда въ Авдѣвкѣ не прошли даромъ: твои прихожане оцѣнили твой трудъ, оцѣнили тебя; они живутъ твоимъ ученіемъ, твоими завѣтами и теперь еще, черезъ 15 лѣтъ по выходѣ твоемъ изъ Авдѣвки, они издалека приходятъ къ тебѣ за совѣтами и наставленіемъ.

Въ 1883 г. Промыслъ Божій указалъ тебѣ настоящій приходъ, м. Юзовку. При вступленіи твоемъ Юзовка представляла изъ себя каменистую пустыню и лишь изрѣдка однообразіе пустыни приятно нарушалось клочками доброй почвы. И эта новая нива требовала отъ тебя напряженнаго труда, пастырскаго опыта и большой любви къ людямъ. И здѣсь труды твои принесли сторичный плодъ. При входѣ твоемъ въ Юзовку не было здѣсь нарочитаго мѣста для прославленія Бога, не было храма, ты совершалъ богослуженіе въ твоей незатѣйливой квартирѣ. Черезъ 15-ть лѣтъ пустыня процвѣла яко кринь: величественный храмъ сей, и церковь-школа, и школы въ приходѣ, и Попечительство и Братство въ приходѣ—все это плоды

трудоѡ твоихъ, лучшей памятникъ доблести пастырской, какой ты оставляешь по себѣ.

Какъ храбраго воина на полѣ брани поражаетъ стрѣла, такъ и тебя въ этомъ храмѣ поразила стрѣла болѣзни, приведшая тебя къ могилѣ. Но и исхожденіе твое отмѣчено печатью Промысла Божія: настоящій день знаменателенъ, какъ день твоего Ангела, день рукоположенія твоего и отдыха твоего. Прими-же, незабвенный о. Александре, настоящее и послѣднее наше цѣлованіе и да вчинитъ тя Праведный Судія во дворѣхъ Святыхъ и да сотворитъ тя божественныхъ благъ наслѣдника. Аминь». Предъ выносомъ тѣла изъ храма къ могилѣ замѣстившій о. Александра по приходу, священ. Т—новъ произнесъ: „Въ теченіе моей жизни я два раза встрѣчался съ о. Александромъ. Первый разъ—въ поѣздѣ желѣзной дороги, лѣтъ 13 назадъ; во второй разъ—на исходѣ его изъ этого торжища жизни въ домъ Отчій, въ то время, когда надъ умершимъ совершилось таинство смерти. Въ первый разъ я провелъ нѣсколько часовъ пути въ поѣздѣ въ пріятномъ сообществѣ о. А. Эти немногіе часы духовнаго общенія моего съ о. А. глубоко врѣзались въ моей памяти. Какъ сегодня видѣнный, возстаетъ предо мною величавый образъ о. А. Доброга лица, свойственная лучшимъ русскимъ людямъ, свѣтлый взглядъ очей, присущій людямъ, имѣющимъ упованіе жизни вѣчной, ровный и твердый голосъ, выражающій внутреннюю гармонию души—вотъ обликъ о. А., сохранившійся въ моей памяти. Свѣжесть мысли, юношеская теплота сердца, вниманіе къ себѣ и своему внутреннему человѣку и сознаніе важности пастырскаго достоинства проглядывали во всякомъ словѣ и движеніи о. А. Возвращаясь мысленно ко времени первой моей встрѣчи съ о. А. и переносясь обратно къ настоящему печальному зрѣлищу, я убѣждаюсь въ томъ, что Провидѣніе не безъ цѣли свело меня съ о. А. въ первый разъ, чтобы тѣмъ самымъ приготовить меня и ко второй встрѣчѣ, у сего гроба. Сидя въ вагонѣ съ о. А. мы не могли предполагать, что когда-то я, недостойный, буду замѣстителемъ о. Александра по приходу; еще менѣе можно было думать о томъ, что мнѣ придется напутствовать моего предмѣстника въ загробный міръ. Во истину неизслѣдимы пути Господни.... Но не вѣнокъ плести умершему изъ слабыхъ словъ человѣческихъ, ни созидать памятника изъ нечистыхъ похвалъ человѣческихъ рѣшился я у сего гроба. Нѣтъ, я позволилъ себѣ лишь воскресить въ своей памяти образъ о. А., подѣлиться съ предстоящими тѣмъ сильнымъ впечатлѣніемъ, которое отъ умершаго сохранилось въ моей душѣ. Человѣкъ человѣку рознь, говоритъ му-

длость народная. Есть люди, съ которыми встрѣчаемся ежедневно и образъ которыхъ, подобно волнѣ морской, не оставляетъ въ душѣ никакого слѣда. И есть люди, при встрѣчѣ съ которыми, образъ ихъ глубоко залегаетъ въ душѣ. Такой крупной натурой былъ о. Александръ. Образъ его крупными штрихами, рельефно запечатлѣлся въ душѣ того, кто встрѣчался съ нимъ. Наше время—особенное, это время матеріализма, всеобщей страсти къ наживѣ. Законная для каждаго забота о кускѣ хлѣба какъ-то незамѣтно для сыновъ вѣка сего перешло въ страсть къ наживѣ. Этотъ духъ царить повсюду: нѣтъ званія и сословія, котораго не коснулся-бы сей недобрый духъ,—когда и въ жизни, и въ литературѣ опошлены, поруганы лучшія идеалы христіанства,—многіе изъ пастырей привыкають смотрѣть на свое служеніе какъ на исполненіе обряда, забывъ о нравственномъ значеніи пастырства. Главное достоинство и заслуга усопшаго о. А. были въ томъ, что онъ свято въ душѣ своей хранилъ и высоко въ жизни несъ пастырскій образъ. Дѣло Божіе, служеніе Богу и благодатная помощь людямъ всегда были предметомъ заботъ и усилій о. А.; на матеріальныя приношенія онъ смотрѣлъ, какъ на малозначущій придатокъ къ главному дѣлу. Вотъ въ чемъ сила и величіе о. А. Вотъ чѣмъ привлекъ къ себѣ о. А. сердца этой многочисленной толпы прихожанъ и стяжалъ себѣ память «добраго и любимаго пастыря». Этимъ-же объясняется и то, что о. А. всегда трезвый, воздержный и скромный въ образѣ жизни не оставилъ по себѣ ни палатъ каменныхъ, ни стяжаній многихъ. Единственное, что оставилъ намъ послѣ себя о. А.—это нерукотворенный памятникъ 38 лѣтняго честнаго, искренняго, достойнаго пастырскаго служенія. Присутствующіе здѣсь, возложившіе отъ мѣстнаго еврейства на гробъ о. А. вѣнокъ евреи, и иностранцы свидѣтельствуютъ о томъ, что о. А. былъ христіанинъ по преимуществу, что въ основу своего дѣла о. А. полагалъ христіанскую всепримиряющую любовь, главную, завѣщанную Христомъ силу для обновленія міра и единенія чловѣковъ. Многотысячная толпа прихожанъ усопшаго, принеся къ гробу свои скорбящія объ отошедшемъ сердца и орошающая прахъ почившаго искренними слезами объ утраченномъ служить лучшимъ доказательствомъ того, что усопшій былъ нелицемѣрный служитель Христовъ, истинно добрый пастырь своего стада. Прослужить 38 лѣтъ пастыремъ въ наше время есть дѣло трудное, выпадающее на долю немногихъ. Пропастырствовать во храмѣ 38 лѣтъ, при широкомъ разнообразіи лицъ, положеній словеснаго стада и стяжать себѣ имя—„пастыря—добраго и уважаемаго“—это есть

жизненная побѣда, заслоняющая собою побѣды знаменитыхъ полководцевъ, — это есть неуздаемый памятникъ вѣчный. Въ ряду съ такимъ памятникомъ нѣтъ мѣста ни памятникамъ слова человѣческаго, ни памятникамъ издѣлій рукъ человѣческихъ. Въ благоговѣйномъ созерцаніи скромнаго величія сего памятника да умолкнетъ слабое слово человѣческое! Миръ духу и праху твоему, добрый и вѣрный пастырю Христовъ!“.

О. Александръ былъ отличенъ Епархіальнымъ Начальствомъ: имѣлъ установленныя награды до сана протоіерея. Отъ прихожанъ при жизни о. Александру былъ поднесенъ драгоценный крестъ наперсный. Послѣ о. А. въ семействѣ остались жена больная и дѣвица-дочь. Ни денежныхъ средствъ, ни имущества послѣ умершаго не осталось семейству.

Священникъ І. Трухановъ.

Извѣстія и замѣтки.

Гдѣ и какъ воспитываются истинные пастыри *)? Сынъ священнослужителя научается въ родительскомъ домѣ вѣрить и молиться не посредствомъ сухихъ уроковъ, но чрезъ живой примѣръ отца и матери. Благочестивый священникъ, благоговѣйно предстоящій алтарю Божію, и дома, среди семьи своей, живущій какъ въ храмѣ, съ постояннымъ памятованіемъ о Богѣ, о священническомъ долгѣ, нерѣдкими молитвенными обращеніями къ Источнику всѣхъ благъ учить дѣтей не разсужденіями, но всею своею личностію, и живой примѣръ его превосходить силою наученія самыя тщательныя и многосложныя изслѣдованія о предметахъ вѣры. Его благоговѣіе къ своему служенію создаетъ атмосферу, воздухомъ которой дышитъ вся его семья. Онъ пробудился раньше всѣхъ и сталъ на молитву. Постепенно просыпающіяся дѣти не смѣютъ поднять громкаго говора или шалостей, чтобы не помѣшать ему и не разсѣять его; «папаша молится, читаетъ правило, готовится къ обѣднѣ», — говорятъ они между собою вполголоса. Затѣмъ онъ снаряжается въ церковь. Если сынъ, мальчикъ отъ 7 до 10 лѣтъ, былъ послушенъ и велъ себя

*) Изъ статьи, подъ такимъ заглавіемъ напечатанной въ № 28 *Рук. для с. пастырей*. Едвали кто станетъ спорить, что семья священническая есть именно такое мѣсто, гдѣ наилучше *могутъ быть* воспитываемы истинные пастыри; никакая другая семья, напр. семья чиновника, торговца, мѣщанина, состоятельнаго крестьянина и т. п., не представляетъ благоприятныхъ условий для насажденія и развитія тѣхъ качествъ, какія долженъ имѣть пастырь Церкви Христовой. Печально только, что въ последнее время многія священническія семьи *омірились* настолько, что трудно отличить семью священника отъ семьи любого лица свѣтскаго.

хорошо накануне, отецъ вводитъ его съ собою въ алтарь. Хорошо тамъ мальчику стоять: видно все, что совершается; но и трудно, не смѣй лишній разъ пошевелиться, поглазѣть разсѣянно, перейти съ мѣста на мѣсто; стой и молись: этого требуетъ отецъ, требуетъ святость алтаря. Здѣсь мальчикъ наблюдаетъ эти торжественныя дѣйствія, размѣренныя движенія, благоговѣйныя молитвенныя слова, обращенныя къ незримо присутствующему Спасителю, видитъ на лицахъ священнослужителей отраженіе священнѣйшихъ чувствъ,—и въ немъ слагается при этомъ будущій іерей, такой же усердный и благоговѣйный. Затѣмъ священникъ возвращается домой. Тамъ встрѣчаетъ его семья, жена и остальные дѣти; всѣ подходятъ подъ его благословеніе и цѣлуютъ его руку, только что священнодѣйствовавшую. Всѣ охраняютъ миръ души его, бывающій послѣдствіемъ божественнаго приобщенія. Кто изъ семейныхъ ничего еще не ѣлъ, тотъ можетъ вкусить (бережно, благоговѣйно, отнюдь не роняя крошекъ на полъ) принесенной изъ церкви просфоры, святаго хлѣба, который первымъ долженъ входить въ двери устъ нашихъ, во здравіе тѣла и спасеніе души. Начинается бесѣда, въ которой можетъ быть все,—обыденное и житейское, важное и малозначительное, святое и мирское,—но не можетъ быть жалобы и досады на то, что священникъ получилъ мало денегъ за свою сегодняшнюю службу, потому что не за деньги приступаетъ онъ къ вѣчному Свѣту и дѣлается причастникомъ Божественнаго естества, потому что священнослуженіе само въ себѣ заключаетъ высшую награду. Досады и жалобы никого не дѣлаютъ богаче; напротивъ, отнимаютъ и послѣднее душевное спокойствіе. Не они ли также прививаютъ дѣтямъ священниковъ пренебреженіе къ священству, какъ поприщу малодоходному, склонность къ матеріальнымъ расчетамъ, стремленіе къ наживѣ,—словомъ, то своекорыстіе, съ которымъ человѣкъ не будетъ доволенъ ни на какомъ поприщѣ, вездѣ будетъ считать себя ободеннымъ и обдѣленнымъ? Дѣти истинно-благочестивыхъ священниковъ слышатъ отъ своихъ родителей только выраженія глубокаго сознанія святости іерейскаго служенія и высокой его отвѣтственности. Такъ зараждается въ нихъ духъ апостольской ревности, который можетъ оскудѣвать, но не можетъ совершенно изсякнуть въ апостольской Христовой Церкви.

Если день истинно-благочестиваго священника протекаетъ въ мирномъ трудѣ, въ соблюденіи обязанностей священнаго служенія, то онъ не можетъ не оставлять за собою отраднаго чувства, которымъ сопровождается сознаніе исполненнаго долга. «Еще хорошо

живемъ», думаетъ и говоритъ священникъ, «еще не лишилъ насъ Господь Своей милости; да не лишитъ насъ и Своего будущаго царствія!» При этомъ юный сынъ священника, будущій служитель Церкви, научается словами и дѣлами отца смотрѣть на земную жизнь, какъ на приготовленіе къ иной лучшей жизни, на труды, тревоги и скорби, какъ на средства къ улучченію небесныхъ наградъ. Съ дѣтства привыкаетъ онъ думать о томъ, какъ спастись, какъ избѣгнуть вѣчнаго осужденія. Только такое отношеніе къ жизни и есть истинно-христіанское. Еслибы оно оскудѣло не въ одномъ свѣтскомъ обществѣ, но и въ служителяхъ алтаря, то главная вина въ этомъ падала бы не на учебныя заведенія, гдѣ даются знанія, но не жизнь, понятія, но не силы, а на тѣ семьи, изъ которыхъ выходятъ эти служители, такъ какъ религіозныя воззрѣнія, благочестивыя навыки насаждаются у человѣка въ пору дѣтства, а не отрочества, родителями, а не учителями, подъ кровомъ роднаго дома, а не школы.

— **Живое слово.** Къ простому и безыскусственному живому слову можетъ привыкнуть каждый священникъ. «Для этого», говоритъ о. І. Фудель, «не надо таланта; нужно только ясное пониманіе всей необходимости и важности учительскаго слова на всякомъ мѣстѣ пастырскаго служенія, да твердая рѣшимость дѣбною какихъ бы то ни было усилій достигнуть умѣнья говорить, если его нѣтъ». Между тѣмъ у священника есть и средство подъ руками, чтобы научиться живому и устному слову,—это уроки по Закону Божию. «Законоучительство не есть только задаваніе урока, выспрашиваніе его и прочтеніе по книжкѣ; это есть живая совмѣстная работа мысли и органа рѣчи. Законоучитель прежде всего долженъ объяснить урокъ въ простомъ и связномъ изложеніи, доступномъ пониманію дѣтей. Вотъ и проповѣдь въ первичномъ, зачаточномъ ея состояніи. Когда служитель слова Божія является проповѣдующимъ среди язычниковъ, задумывается ли онъ надъ тѣмъ, какъ и о чемъ онъ будетъ проповѣдывать? Придетъ ли ему на умъ сперва писать свою проповѣдь, а потомъ читать ее? Не станетъ ли онъ говорить прямо, просто, объясняя слушателямъ своимъ истины вѣры наиболѣе понятнымъ для нихъ языкомъ? Точно такъ же долженъ проповѣдывать слово Божіе и каждый приходскій пастырь. Пора признать ту истину, что положеніе сельскаго священника немногимъ разнится отъ положенія миссіонера среди язычниковъ. Нашъ народъ—младенецъ по вѣрѣ, какъ ни прискорбно это для нашего сознанія, и только *словесное* млеко можетъ быть доселѣ его

духовной пищей». И достаточно это понять, достаточно это обнять любящимъ сердцемъ—всю эту массу сѣрыхъ людей, чтобы знать, какъ, какимъ языкомъ съ нею говорить и о чемъ говорить. Но все-таки, желая ободрить начинающихъ проповѣдниковъ и разогнать тотъ ложный стыдъ, который многимъ пастырямъ мѣшаетъ приняться за дѣло живой устной проповѣди, о. Фудель дѣлаетъ нѣсколько практическихъ указаній относительно того, какъ научиться говорить живымъ словомъ. Такъ, онъ настаиваетъ на той мысли, что никогда не слѣдуетъ проповѣдь предварительно записывать, заучивать наизусть для произнесенія. «Всякому, кто прислушивался къ собственной или чужой заученной рѣчи и сравнивалъ ее съ импровизаціей, ясно какъ Божій день, что слово заученное и произносимое наизусть есть мертвое слово и производитъ оно на слушателей очень слабое впечатлѣніе, а заучиваніе наизусть чужихъ печатныхъ проповѣдей можетъ только испортить проповѣдника, а ни въ какомъ случаѣ не воспитать. Необходимо отбросить и забыть всѣ традиціонныя школьныя условности и привычки, образовавшіяся при составленіи проповѣдей. Тамъ школа, здѣсь жизнь! Тамъ сочиненіе на данную тему, здѣсь свободное, живое слово!.. Но это свободное и живое слово не должно быть продолжительнымъ. Начинаящій пастырь не долженъ затруднять себя проповѣдью болѣе 5 минутъ. Привычка говорить кратко, но сильно есть лучшее достоинство проповѣдника, и въ этомъ залогъ плодотворности его слова!»

Къ этимъ разсужденіямъ о. Фуделя можно еще прибавить, какъ совѣтъ начинающему проповѣднику, относительно формы проповѣди. Первоначально лучше всего придерживаться повѣствовательной формы: она легче и для проповѣдника, и для простонароднаго слушателя. Исторія праздника, житіе святаго или поучительный случай изъ жизни—все это формы поученія, любимыя нашимъ народомъ и между тѣмъ глубоко назидательныя для него. Этими формами можно провести въ сознаніе народа любую истину вѣрученія и нравоученія.

(Костр. Еп. Вѣд.).

— Церковныя братства, какъ средство къ возвышенію религиозно-нравственной жизни.—«Церк. Вѣст.», рисуя печальную картину современнаго общественнаго разстройства, какъ результатъ оскудѣнія въ обществѣ идеаловъ, указываетъ на быстрое поглощеніе въ общественномъ сознаніи христіанскихъ понятій языческими. Въ наше время вновь оживаетъ давно уже, повидимому, отжившее язычество. Непрерывно появляющіяся одно за другимъ разнообразныя ученія и теоріи, все выше и выше поднимая голову въ безумномъ

самообольщеніи, всѣ усилія употребляютъ къ тому, чтобы замѣнить собою христіанство. Отрицая не только догматы и умозрительную сторону христіанства, но и всѣ установленія и даже нравственное ученіе Господа Иисуса Христа, новые никѣмъ не призванные проповѣдники самоизмышленнаго ученія нерѣдко злобно издѣваются надъ всѣмъ, что несогласно съ ими самими измышленною теоріей, что стремится поднять и возвысить жизнь и человѣка изъ грязи опутавшихъ его страстей до уровня жизни существа разумнаго. Эти плевелы, поросшія на нивѣ религіознаго сознанія иныхъ изъ нашего образованнаго общества, въ значительной степени переходятъ уже и въ простой народъ нашъ. Было время, когда многомилліонный русскій народъ, какъ одинъ человѣкъ, жилъ вѣрою, искалъ утѣшенія въ родной своей святынѣ—храмѣ Божіемъ; когда въ молитвѣ къ Нему изливались и радости и горести его многотрудной жизни; когда Евангеліе было для него святѣйшимъ и совершеннѣйшимъ словомъ. Теперь во многихъ отношеніяхъ и для многихъ это доброе время отошло въ область старины глубокой. Расптанность вѣры неизбежно ведетъ за собою нравственную распущенность. Самымъ гибельнымъ образомъ упадокъ вѣры отразился на состояніи семьи, на взаимныхъ семейныхъ отношеніяхъ. Супружеская невѣрность, взаимный обманъ, грубость и исполненные ненависти другъ къ другу отношенія растутъ и усиливаются болѣе и болѣе. Сколько убійствъ, самоубійствъ и всякихъ беззаконій и преступленій вызвано и вызывается этимъ нелѣпымъ искаженіемъ семейныхъ отношеній! А несомнѣнно увеличивающійся процентъ незаконныхъ рожденій; то и дѣло обнаруживающіеся подкидыши, переполняющіе устроенныя съ этою цѣлію благотворительныя учрежденія; со дня на день развивающееся нищенство малолѣтнихъ; появленіе въ большихъ городахъ всякаго рода Скублинскихъ и имъ подобныхъ,—о чемъ иномъ все это свидѣтельствуетъ, какъ не о томъ, что брачныя узы нагло попираются, что въ погонѣ за животными наслажденіями люди презираютъ супружескія обязанности, попираютъ святѣйшія родительскія чувства, забываютъ Бога, тѣряютъ стыдъ и все, что есть святого въ человѣкѣ? Упадокъ вѣры и происходящая отсюда расптанность семьи—вотъ то основаніе, на которомъ строится современная жизнь и нашего такъ называемаго образованнаго общества, и простого народа. Но семья вѣдь есть основаніе общественной и государственной жизни. Это все, на чемъ зиждется наша жизнь, наше счастье временное и вѣчное, безъ чего немислимо разумное человеческое существованіе. И эти корни, эти основанія нашего временнаго и вѣчнаго бытія, гниютъ, подвергаются порчѣ и истлѣваютъ!.. А мы равнодушно смотримъ на ихъ разложеніе, усыпляемъ свою податливую совѣсть живымъ увѣреніемъ, что у насъ все обстоитъ

благополучно, и легкомысленно отварачиваемся отъ средства, которое одно въ состояніи возратить подгнивающимъ корнямъ нашей жизни ихъ первоначальную свѣжесть и неисторченность. Пока есть еще время, нужно очнуться и обратить вниманіе на то, что мы стоимъ на опасномъ пути, окруженные неистово поднимаемыми вѣтромъ разнаго рода лжеученій и страстей волнами невѣрія и нечестія, готовыми затопить насъ, и вмѣсто того, чтобы искать опоры въ единственномъ, не поддающемся разрушительному дѣйствію этихъ волнъ, камнѣ вѣры, какъ обезумѣвшіе стремимся въ глубь кипящей пучины волнъ... Такимъ средствомъ, по мнѣнію журнала, должны служить церковныя братства, въ которыхъ должны соединиться всѣ сознающіе опасность современнаго оскудѣнія духа.

Хроника епархіальной жизни.

1 января 1900 г. праздникъ Обрѣзанія Господня и новый годъ, Его Преосвященство, Преосвященнѣйшій Сумеонъ, Епископъ Екатеринославскій и Таганрегскій, совершалъ Божественную литургію въ Кафедральномъ соборѣ—въ сослуженіи: ректора семинаріи архимандрита Агапита, священниковъ: Д. Страховскаго, ключаря собора Ѳ. Ѳедорова и А. Одинцова, а по окончаніи литургіи—благодарственное Господу Богу молебствіе въ сослуженіи всего городского духовенства.

— 2 января, воскресенье, Его Преосвященство изволилъ совершать Божественную литургію въ Крестовой церкви; сослужащими были священники: А. Одинцовъ, ключарь собора Ѳ. Ѳедоровъ и Ф. Гераскевичъ и іеромонахъ Пахомій.

— 5 января, среда, въ навечеріе праздника Богоявленія Господня, Его Преосвященство совершалъ Божественную литургію и водоосвященіе въ Крестовой церкви—въ сослуженіи священниковъ: А. Одинцова, ключаря собора Ѳ. Ѳедорова и іеромонаховъ: Сергія и Пахомія.

— Въ тотъ-же день Его Преосвященство совершалъ всенощное бдѣніе въ Крестовой церкви въ сослуженіи священниковъ: А. Одинцова, ключаря собора Ѳ. Ѳедорова и іеромонаховъ: Сергія и Пахомія.

— 6 января, праздникъ Богоявленія Господня, Его Преосвященство, Преосвященнѣйшій Сумеонъ, Божественную литургію совершалъ въ Успенской церкви г. Екатеринослава—въ сослуженіи: ректора семинаріи архимандрита Агапита, протоіерея Ѳ. Россинскаго и священниковъ: ключаря собора Ѳ. Ѳедорова, И. Петрова, Г. Бѣлинскаго и Ф. Гераскевича, а

по окончаніи литургіи со всѣмъ городскимъ духовенствомъ совершень крестный ходъ на р. Днѣпръ для освященіи воды.

— 9 января, воскресенье, Его Преосвященство изволилъ совершать Божественную литургію въ Крестовой церкви—въ сослуженіи священниковъ: Д. Страховскаго, Ѳ. Ѳедорова, Н. Рубанистаго и іеромонаха Сергія.

О В Ъ Я В Л Е Н І Е

НОВЫЯ КНИГИ И БРОШЮРЫ:

Нижепоименованныя книги священника магистра о. Григорія Дьяченко продаются у московскаго книгопродавца, издателя ихъ, А. Д. Ступина, къ которому благоволятъ обращаться по слѣдующему адресу: Москва, Никольская, домъ Ремесленной управы, книжная торговля А. Д. Ступина.

1) ТОЛЬКО ЧТО ОТПЕЧАТАНЪ

ПОЛНЫЙ ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКІЙ СЛОВАРЬ (со внесеніемъ въ него важнѣйшихъ древне-русскихъ словъ и выраженій). содержащій въ себѣ объясненія малопонятныхъ словъ и оборотовъ, встрѣчающихся въ церковно-славянскихъ и древне-русскихъ рукописяхъ и книгахъ, а именно: 1) священо-библейскихъ книгахъ ветхаго и новаго завета; 2) церковно-богослужебн., напр. въ октоихъ, тріодяхъ, минеяхъ, часословѣ, псалтири, молитвословѣ, требникѣ, ірмологіи, типиконѣ и проч.; 3) духовно-поучительныхъ напр. въ прологѣ, патерикѣ, ч.- минеяхъ, твореніяхъ св. отецъ, словахъ, бесѣдахъ, поученіяхъ, посланіяхъ и проч.; 4) церковно-каноническихъ и т. п. книгахъ древней духовной какъ переводной, такъ и самобытной письменности, а такъ-же 5) въ памятникахъ свѣтской древне-русской письменности, какъ то: лѣтописяхъ и сборникахъ, судныхъ грамотахъ, уложеніяхъ, договорахъ, былинахъ, пѣсняхъ, пословицахъ, и др. поэтическихъ и прозаическихъ произведеній древне-русской письменности, начиная съ X до XVIII вв. включительно.

ПОСОБИЕ 1) для преподавателей русск. и церк.-слав. языка въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ; 2) для занимающихся изученіемъ русскихъ древностей, филологическими разсканіями въ области исторіи и этимологіи родного языка и т. п. работами; 3) для пастырей церкви, какъ совершителей богослуженія, законоучителей, проповѣдниковъ и миссіонеровъ, и 4) для всѣхъ, желающихъ стать въ сознательно-разумныя отношенія какъ къ языку матери-церкви, такъ и къ родному слову въ его современномъ состояніи и историческихъ судьбахъ. Составилъ священникъ магистръ Григорій Дьяченко (бывшій преподаватель рус. яз. и словесности). Словъ объяснено около 30.000. Изд. 1899 г. Стр. 1120+XXXVIII. Ц. этой книги 3 р. 50 к. безъ перес. и 4 р. 25 к. съ перес.

Одобрительные отзывы объ этой книгѣ смъ въ Паст. соб. за 1899 г. №№ 33—34 Кормчѣмъ за тотъ же годъ въ № 47; Церк. Вѣд. изд. при Св. Синодѣ за тотъ же годъ въ № 47; Моск. Церк. Вѣд. за тотъ же годъ № 47; въ Воскр. днѣ за тотъ же годъ въ №№ 39—40 и во мн. др. дух. и свѣтскихъ органахъ печати. Вотъ нѣсколько краткихъ выдержекъ изъ этихъ отзывовъ:

«Мы съ радостью приветствуемъ появленіе въ свѣтъ капитальнаго труда о. Григорія Дьяченко, даващаго дѣйствительно полный церковно-славянскій (и древне-русскій) словарь. объясняющій мало-понятныя не только слова, но и обороты въ нашихъ священныхъ, богослужебныхъ и духовно-поучительныхъ книгахъ, а такъ же въ памятникахъ древне-русской письменности». (Паст. соб. 1899 г. №№ 33—34).

«Отъ души желаемъ, чтобы этотъ прекрасный трудъ о. Григорія Дьяченко сдѣлался настольною книгою каждаго пастыря церкви и преподавателя родного слова и церковно-славянскаго языка въ особенности». («Воскр. день» 1899 г., №№ 39—40).

«Этотъ словарь можно назвать полнымъ, какъ болѣе полный, по сравненію съ прочими, доселѣ изданными церковно-славянскими словарями, и въ томъ числѣ

прот. П. Алексѣева и А. Востокова. Всѣ коренныя слова въ немъ сравнены этимологически съ одинаковыми по корню или значенію словами не только славянскихъ нарѣчій, но и главнѣйшихъ индо-европейскихъ языковъ, а иногда и языковъ кельтской и иранской группы» («Моск. Церк. Вѣд.» 1899 г., № 47).

«Трудъ..... составленный съ весьма опредѣленными практическими цѣлями, сообразенный съ нуждами времени и съ этой стороны несомнѣнно полезный..... Имъ (о. Дьяченко) положено много кропотливаго и во всякомъ случаѣ не механическаго только труда при выборѣ, сличеніи и обработкѣ словарнаго матеріала..... Еще разъ повторяемъ, что книга его во всякомъ случаѣ полезна, въ особенности для священниковъ, поставленныхъ въ непосредственныя отношенія къ славянскому языку и призванныхъ научать, или по крайней мѣрѣ разъяснять его своимъ пасомымъ..... Удобство его въ томъ, что онъ можетъ замѣнить нѣсколько словарей къ отдѣльнымъ памятникамъ письменности и къ цѣлымъ ихъ группамъ, въ особенности, если кто не располагаетъ такими словарями для своихъ занятій» («Церк. Вѣд.», изд. при Св. Синодѣ 1899 г. № 47).

2) Его-же: **Объясненіе воскресныхъ и праздничныхъ евангелій всего года**, читаемыхъ на литургіяхъ и всенощныхъ бдѣніяхъ, съ подробными догматическими и нравственными выводами. Пособіе для веденія вибгослужебныхъ соборствованій съ народомъ. Въ 2-хъ частяхъ. Ч. 1. Объясненіе воскресныхъ евангелій, стр. 430. Ц. 1 р. 25 к. безъ пересылки и 1 р. 50 к. съ пер. Одобр. отз. см. въ Церк. Вѣд. при Св. Синодѣ за 1899 г.; въ Паст. Собес. за 1893 г. № 8 и др. орг. Ч. 2-я. Объясненіе праздничныхъ евангелій, стр. 490. Ц. 1 р. 25 коп. безъ пер. и 1 р. 50 к. съ пер., изд. 1899 г.

3) Его-же: **Духовные постѣвы**. Краткій сборникъ разказовъ, статей и стихотвореній духовно-нравственнаго содержанія, приспособленныхъ къ общедоступному объясненію главнѣйшихъ истинъ катихизич. ученія православи. Церкви. Третье дополнен. изд. 1899 г. Ц. 1 р.; съ пер. 1 р. 20 к. Одобр. отзывъ объ этой кн. см. въ «Церк. Вѣд.», изд. при Св. Синодѣ за 1897 г. за № 24.

4) **Ежедневныя поученія** въ словѣ Божіемъ по руководству литургійныхъ евангелійскихъ и апостольскихъ чтеній на дни воскресныя, праздничныя и седмичныя всего года. Полное практическое пособіе для проповѣдниковъ слова Божія. Въ 3-хъ томахъ. Составлены преимущественно по лучшимъ проповѣдн. образцамъ священ. магистровъ Гр. Дьяченко. Изд. А. Д. Ступина.

Томъ первый. Поученія на всѣ воскресныя дни. Стр. 746. Всѣхъ поученій около 465. Цѣна 1 р. 50 к. безъ пер. и 2 р. съ пер. Изд. 1899 г. 2-е дополн.

Томъ второй. Поученія на всѣ праздники великіе, средніе и малые. Стр. 794. Всѣхъ поученій около 475. Ц. 2 р. безъ пер. и 2 р. 50 съ пер. Изд. 1899 г. 2-е дополнит.

Томъ третій. Поученія на дни седмичныя (будніе) всего года, съ присовокупленіемъ поученій по церковнымъ чтеніямъ и ꙗснослѣніямъ на всѣ дни Четыредесятницы. Стр. 985. Всѣхъ поученій 486. Цѣна 2 р. безъ пер. и 2 р. 50 к. съ пер.; перепл. корешокъ 50 к. коленк. по 1 р. Одобрит. отзывъ объ этихъ книгахъ см. въ «Церк. Вѣд.», изд. при Св. Синодѣ за 1897 г. № 44, и въ друг. орг. печати.

5) **Полный годичный кругъ краткихъ поученій**, составленныхъ на каждый день года примѣнительно къ житіямъ святыхъ, праздникамъ и другимъ свѣц. событ., воспоминаемымъ Церковію, и приспособленныхъ къ живому проповѣдническому слову (импровизаціи). Составилъ преимущественно по лучшимъ проповѣдническимъ образцамъ св. магистръ Гр. Дьяченко. Изданіе второе, пересмотрѣнное и значительно дополненное. Въ двухъ томахъ. Томъ первый (первое полугодіе), заключающій въ себѣ 330 поуч. (548 стр.). Цѣна безъ пер. 1 руб. 50 к., съ пер. 2 р.

Томъ второй (второе полугодіе), содержащій 375 поуч. Цѣна безъ пер. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к., изд. А. Д. Ступина. Одобр. отзывъ см. въ «Церк. Вѣд.», изд. при Св. Синодѣ, за 1897 г., № 8, и въ др. орг. печати за тотъ-же годъ.

6) **Вопросы на исповѣди** по руководству 10-ти заповѣдей Зак. Божія, 9-ти евангелійскихъ о блаженствѣхъ и 9-ти церк. зап. съ подробнымъ пастырскимъ увѣщаніемъ кающагося и съ указаніемъ ему духовно-врачебныхъ средствъ въ борьбѣ съ грѣховными наклонностями. Стр. 151, 2-е, знач. доп. изд. 1897 г. А. Д. Ступина.

ПОСОБИЕ для пастырей церкви при совершеніи ими таинства покаянія и для говѣющихъ мирянъ; Цѣна этой брошюры 30 к., съ перес. 40 коп.

Отзывъ о брош. см. въ «Церк. Вѣд.», изд. при Св. Синодѣ, за 1897 г., № 14.

7) Его-же: **Наканунъ исповѣди.** Общедоступное духовно-нравственное чтеніе для говѣющихъ. Съ приложеніемъ статей о спасеніи души и духовныхъ стихотвореній. Стр. 126. Второе значительное дополненное изданіе 1897 г. Цѣна 20 к., съ перес. 30 к. Изд. А. Д. Ступина. Отзывъ о брошюрѣ можно читать въ «Церк. вѣд.», изд. при Св. Синодѣ, за 1897 г., № 14.

8) Его-же: **Наканунъ св. причащенія.** Общедоступное духовно-нравственное чтеніе. Цѣна 20 коп., съ перес. 30 к. Изд. 2-е доп. А. Д. Ступина.

9) Его-же: **Вопросы на исповѣди дѣтей.** Съ подробными пастырьскими наставленіями ихъ. Пособіе для пастырей при исповѣди отроковъ и для родителей при подготовкѣ дѣтей къ исповѣди. Ц. 30 к., съ пер. 40 к. Изд. А. Д. Ступина.

10) Его-же: **Самоиспытаніе христіанина.** Общедоступное духовно-нравственное чтеніе, преимущественно во дни великаго поста. Цѣна 30 к., съ пер. 40 к. Изд. А. Д. Ступина.

11) **Слова, поученія, бесѣды и рѣчи пастыря церкви на разные случаи въ личной, семейной, школьной, церковно-приходской, религиозно-нравственной и гражданско-общественной жизни христіанина,** приспособленныя къ живой церковной проповѣди, виѣбогослужебнымъ собесѣдованіямъ съ народомъ и домашнему чтенію христіанъ. Составилъ преимущественно по лучшимъ проповѣдническимъ образцамъ св. маг. Г. Дьяченко. Ц. 2 р. 50 к. Изд. 1898 г. *Всѣхъ* поученій въ этой книгѣ 550, ств. 1015. На перес. прилагаютъ за 4 ф., смотря по разстоянію.

Отзывъ объ этой книгѣ можно читать въ «Церк. вѣд.», изд. при Св. Свп. за 1898 г. № 3, а также въ «Паст. Собесѣд.» и «Воскр. Лист.» за тотъ-же годъ и въ др. орг. печати.

12) Его-же: **Катихизическія поученія, общедоступно излагающія ученіе о христіанской вѣрѣ, надеждѣ и любви, съ библейскими и церковно-историческими приложеніями къ поученіямъ, приспособленныя къ живой церковной проповѣди, виѣбогослужебнымъ собесѣдованіямъ съ народомъ и семейному чтенію христіанъ.** Ц. 2 р. 50 к. Изд. 1898 г. *Всѣхъ* поученій 450 со 100 къ нимъ библейскими и церковно-историческими приложеніями. Стр. 1040. На пер. за 4 ф. по разстоянію.

Одобр. отзывъ объ этой книгѣ можно читать въ журн. «Вѣра и Разумъ» за 1898 г., № 1 (январь); въ № 3 «Ц. В.», изд. при Св. Свп., за 1898 г.; въ № 9 «Воскр. Дня» за тотъ-же годъ; въ «Паст. Соб.», въ № 10 за тотъ-же годъ, и въ др. орг. печати.

13) Его-же: **Общедоступныя бесѣды о богослуженіи православной церкви,** приспособленныя къ живой церковной проповѣди, виѣбогослужебнымъ собесѣдованіямъ съ народомъ и семейному чтенію христіанъ. Со многими церковно-археологическими, церковно-историческими, догматическими, нравственными и иными приложеніями.

Всѣхъ бесѣдъ 297 со 149 къ нимъ приложеніями Стр. 1143+LX ц. книги 3 р. На перес. прилагается за 5 ф., смотря по разстоянію. Изд. 1898 г.

Отзывы см. въ «Богословско-библ. листкѣ», прилож. къ Рук. для сел. паст. вып. 10, 1898 г.; въ «Церк. вѣд.», изд. при Св. Свп. за 1898 г.; «Паст. Соб.» за тотъ-же годъ и въ др. орг. печати.

14) **Христіанскія утѣшенія несчастныхъ и скорбящихъ, испытывающихъ бѣдность, болѣзнь, потери родныхъ и близкихъ сердцу, житейскія неудачи, злорѣчія, разочарованіе въ жизни, мучительную борьбу съ грѣхомъ и страстями, съ религиознымъ сомнѣніемъ и помыслами невѣрія, съ отчаяніемъ въ спасеніи своей души, со страхомъ смерти, и многія другія тѣлесныя и духовныя скорби и страданія.** Въ 2-хъ частяхъ.

1) Т. I-й. **Утѣшеніе въ скорбяхъ тѣлесныхъ.** Стр. 618. Изд. 1898 г. Ц. 1 р. 75 к. безъ перес. и 2 р. 25 к. съ пер. Одобр. отзывъ см. въ № 45 Церк. вѣд. изд. при Св. Синодѣ за 1898 г.; № 40 М. Еп. вѣд. за тотъ-же годъ; Паст. Соб. за 1899 г. № 5 и въ др. орг. печати.

2) Т. II. **Христіанскія утѣшенія въ скорбяхъ духовныхъ.** Цѣна 1 р. 50 коп. безъ перес. 2 р. съ пер. Стр. 508. Изд. 1898 г. Отз. см. № 8 М. Церк. вѣд. за 1898 г.

При этомъ № прилагается объявленіе о подпискѣ на журналы и газеты въ 1900 году.

Редакторы: { Инспекторъ Семинаріи *Матвій Монастыревъ.*
и Преподаватель Семинаріи *М. Брунбейдеръ.*

СОДВРЖАНІЕ: 1) Разборъ протестантскаго взгляда на миссу или литургію и ея значеніе для вѣрующихъ. 2) Хроника епархіальной миссіи. 3) Протестантизмъ и шугундизмъ. 4) Памяти протоіерея о. Александра Георгіевича Матвѣвскаго. 5) Извѣстія и замѣтки. 6) Хроника епархіальной жизни. 7) въ особомъ приложеніи: Протоколы Миссіонерскихъ Комитетовъ.

Дозволено цензурою. Екатеринославъ, 12-го Января 1900 г. Цензоръ преподаватель Семинаріи *В. Тацентовъ.*

Екатеринославъ. Типографія Братства Св. Владиміра.

Вся эта рѣчь, поставляетъ выше всякихъ сомнѣній то, что Христосъ въ данномъ случаѣ обѣтовалъ въ будущемъ дать живой хлѣбъ, т. е. истинную Свою плоть и истинную Свою кровь для того, чтобы причащающіеся ихъ внутренно соединялись съ Нимъ Самимъ и чрезъ это становились причастниками жизни вѣчной....

Читая далѣе VI главу евангелиста Іоанна, мы видимъ, что не только іудеи, но даже ученики Господа смутились этими словами Спасителя (60 ст.) и ихъ, ближайшихъ къ Нему, отъ которыхъ Онъ ничего не скрывалъ, которымъ открывалъ тайны царствія Божія, Онъ не выводитъ изъ недоумѣнія, не указываетъ на то, что они неправильно поняли Его слова въ буквальномъ смыслѣ, а говоритъ: «это-ли соблазняетъ васъ? Если вамъ трудно понять Мою рѣчь о яденіи Моей плоти и питіи Моей крови, то какъ вы отнесетесь къ еще труднѣйшему для вашего пониманія—къ вознесенію Сына человѣческаго съ прославленнымъ тѣломъ къ Богу Отцу, гдѣ, какъ Сынъ Божій, Онъ былъ отъ вѣчности (60, 61, 62 ст.).

Ты, Евсюковъ, говоришь далѣе, что слова Спасителя, обѣщавшаго дать въ снѣдь Свою плоть и кровь, надо понимать по твоему духовно. Скажи намъ, какъ поняли Христа Его ученики, духовно тоже, или буквально?...

Сект. Евсюковъ. Конечно, духовно, потому что Спаситель Самъ далѣе говоритъ въ 63 стихѣ, что слова, которыя Я говорю, есть духъ и жизнь. И апостоль Іоаннъ передаетъ, что духъ животворитъ, а плоть не пользуетъ нимало. Потому въ обрядѣ, который мы совершаемъ въ воспоминаніе страданій Спасителя, хлѣбъ и вино ничто иное, какъ знакъ тѣла и крови Христовой, вкушаемыхъ мысленно, духовно, какъ я и раньше сказалъ; такъ мы понимаемъ, а о буквальности здѣсь и рѣчи нѣтъ.

о. Аванасенко. Ты извращаешь смыслъ свящ. Писанія, потому что не понимаешь его. Изъ св. Евангелія мы видимъ, что когда ученики Господа чего-нибудь не понимали, или-же

понимали неправильно, то Господь сейчас-же и объяснял имъ. Напримѣръ, послѣ бесѣды съ Самарянкой ученики просили Христа, говоря: «Равви! ѣшь. Онъ сказалъ имъ: у Меня есть пища, которой вы не знаете. Посему ученики говорили между собою: развѣ кто принесъ Ему ѣсть?» (Іоан. IV гл. 31—33 ст.). Очевидно, что ученики не поняли словъ Спасителя; Онъ далѣе и объясняетъ имъ сейчас-же: «Моя пища творить волю пославшаго Меня и совершить дѣло Его» (Іоан. IV, 34).

Въ другомъ мѣстѣ, Спаситель предостерегаетъ учениковъ Своихъ отъ закваски фари́сейской. Они поняли закваску въ буквальный смыслъ «о хлѣбѣ». Иисусъ Христосъ объясняетъ имъ, что не о хлѣбѣ сказалъ имъ, а слова Его: «берегитесь закваски фари́сейской, саддукейской», означаютъ: «берегитесь ученія фари́сейскаго и саддукейскаго» (Мѡ. 16 гл. 6—12 ст.). Вотъ и здѣсь, если-бы ученики неправильно поняли Господа, то, само собою разумѣется, Онъ объяснилъ-бы имъ; однако Онъ не объясняетъ, не говоритъ, что буквальное пониманіе Его словъ неправильно, а прямо и ясно даетъ разумѣть, что слова Его должны быть приняты въ томъ прямомъ и буквальномъ смыслѣ, въ какомъ они изречены. Далѣе, въ 63 стихѣ Господь Иисусъ Христосъ, въ заключеніе Своей бесѣды, указываетъ еще разъ причину невѣрія іудеевъ Его словамъ. Іудеи не хотѣли вѣрить свидѣтельству Иисуса Христа; они хотѣли понять своимъ плотскимъ умомъ возможность того, о чемъ Онъ говорить. Но Спаситель говоритъ: «плотской умъ, направленный на познаніе предметовъ видимаго, матеріальнаго міра, вовсе недостаточенъ для пониманія Моихъ словъ, Моего ученія, потому что оно не земнаго происхожденія и не земли касается; оно происходитъ отъ Того, который по существу Своему есть Духъ и жизнь; касается оно не плоти въ чловѣкѣ и временной его земной жизни, а духа чловѣческаго и вѣчной его жизни. И словъ Моихъ вы не можете понять, говорить Онъ ученикамъ и іудеямъ, потому что еще плотскіе,

еще принадлежите міру; и знайте, что если будете мудрствовать по плотски, то никогда не уразумѣете сихъ словъ. Но если содѣлаетесь духовными, когда Духъ Св. вселится въ васъ, обновитъ вашъ умъ и сердце,—тогда поймете эти слова». Вотъ теперь и ты, Евсюковъ, и подобные тебѣ сектанты, не понимаете священныхъ словъ; не отъ того-ли это происходитъ, что и вы мыслите по плотски?...

Сект. Евсюковъ.—Это вы желаете такъ истолковать слова 63 стиха; Христось такъ не говорилъ вовсе. Здѣсь говорится, что Духъ животворитъ, а плоть не пользуется нимало. Духъ оживотворяетъ, а не плоть, вотъ почему я и не согласенъ съ вами, что слова Спасителя относительно тѣла и крови Его нужно понимать буквально. Здѣсь вся рѣчь идетъ въ переносномъ смыслѣ, въ духовномъ и упрекать насъ, что мы плотскіе, нельзя, ибо мы уже освящены Христомъ разъ навсегда; а вотъ вы скорѣе мыслите по плотски.

О. Аванасенко.—Я говорю, какъ оно есть и какъ должно понимать. Что Духъ оживотворяетъ—это такъ. Ну, а скажи-же теперь, о какой это плоти идетъ рѣчь здѣсь въ 63 стихѣ, чья это плоть?

Сект. Евсюковъ.—Разумѣется, Христова плоть.

О. Аванасенко.—Слышите православные, Евсюковъ говоритъ, что въ словахъ 63 стиха «плоть не пользуется нимало» говорится о плоти Спасителя; такъ ты сказалъ?

Сект. Евсюковъ.—Что вы меня переспрашиваете, я же сказалъ вамъ, что Христова...

О. Аванасенко.—Такъ она, плоть-то Христова, по твоему выходитъ, не пользуется?...

Сект. Евсюковъ.—Да тутъ-же вамъ ясно говорится, что плоть не пользуется нимало, значитъ и разсуждать не о чемъ; что вы хотите меня поймать на словахъ...

О. Аванасенко.—Поймать тебя никто не желаетъ, а ересь такую, какую ты высказываешь, тяжело и больно выслушивать... Вотъ, православные, видите вы, до какого невѣ-

жества и дерзости доходятъ эти именующіе себя святыми и живущіе будто по евангелію, а евангелія-то они и не знаютъ. Они не только не понимаютъ, но даже стараются нахально извратить смыслъ слова Божія...

Евсюковъ сейчасъ дерзнулъ богохульствовать, говоря, что плоть Христа Спасителя не пользуется нимало. Какое безуміе, какая наглость со стороны вашей, гг. штундисты, такъ оскорбляютъ святость и величіе Божіе! Христось ради нашего спасенія сошелъ съ небесъ, принялъ плоть; Той язвень былъ за грѣхи наши, мучимъ былъ за наши беззаконія и язвою Его мы получили прощеніе грѣховъ нашихъ; единократнымъ принесеніемъ тѣла Его мы освящены (Евр. X г. 10 ст.), а сіи горделивцы берутъ на себя смѣлость отрицать спасительность Тѣла Христова... Нѣтъ у васъ, гг. сектанты, даже самой малой доли того упованія, съ какимъ нѣкогда приступила къ Иисусу жена кровоточивая, которая сказала: «аще прикоснуся только ризамъ Его, спасена буду» (Мар. V г., 28) и прикоснувшись тотчасъ получила исцѣленіе. Если, такимъ образомъ, мы видимъ, что даже одежды Христа Спасителя пользуются всѣхъ съ вѣрою къ нимъ прикасающихся, то причащаясь съ вѣрою Тѣла и Крови Христовой, каждый христіанинъ тѣснѣйшимъ образомъ соединяется съ Самимъ Иисусомъ Христомъ и въ Немъ становится причастнымъ вѣчной жизни. «Ядый Мою плоть и пійй Мою кровь во Мнѣ пребываетъ и Азъ въ немъ (Іоан. 6 г. 56 ст.). Ядый Мою плоть и пійй Мою кровь, иматъ животь вѣчный» (ст. 54).

Послѣ сихъ ясныхъ и убѣдительныхъ словъ Самого Спасителя о Своей плоти, что вы, дерзнете еще возразить? Поистинѣ, къ вамъ, какъ нѣкогда къ Галатамъ, относятся слова апостола: «О несмысленные, кто прельстилъ васъ не покорятся истинѣ» (Гал. 3, 1)...

Но продолжу бесѣду... Итакъ, Господь, зная какой соблазнъ произведетъ даже среди учениковъ устанавливаемое Имъ св. Таинство причащенія, еще задолго, повторяю, до тай-

ной вечера приготовляетъ ихъ къ нему и даетъ обѣтованіе дать имъ въ снѣдъ Плоть и Кровь Свою. Теперь же за три дня до страданія Онъ дѣйствительно исполнилъ обѣтованіе: «И когда они ѣли, Иисусъ взявъ хлѣбъ и благословивъ преломилъ и, раздавая ученикамъ, сказалъ: пріимите ядите: сіе есть Тѣло Мое. И взявъ чашу и благодаривъ, подалъ имъ и сказалъ: пейте изъ нея всѣ; ибо сіе есть Кровь Моя новаго завѣта, за многихъ изливаемая, во оставленіе грѣховъ» (Мо. 26 гл. 26—27—28 ст.). И въ другомъ мѣстѣ Евангелія мы читаемъ: «И взявъ чашу и благодаривъ, сказалъ: пріимите ее и раздѣлите между собою, ибо сказываю вамъ, что не буду пить отъ плода винограднаго, доколѣ не придетъ Царство Божіе. И взявъ хлѣбъ и благодаривъ, преломилъ и подалъ имъ, говоря: сіе есть Тѣло Мое, которое за васъ предается; сіе творите въ Мое воспоминаніе. Также и чашу послѣ вечера, говоря: сія чаша есть новый завѣтъ въ Моей Крови, которая за васъ проливается» (Лук. 24 гл. 17—18—19—20 ст.).

Господь Иисусъ Христосъ былъ на рубежѣ, такъ сказать, ветхаго и новаго завѣта. Ему нужно было окончить ветхій завѣтъ и начать новый. Вотъ Онъ совершаетъ ветхозавѣтную пасху и совершаетъ ее въ послѣдній разъ (Лук. 22 г. 17—18 ст.); этимъ и оканчиваетъ ветхій завѣтъ.

Затѣмъ Онъ устанавливаетъ новый завѣтъ (Лук. 22 гл. 19—20 ст.). Снесемъ теперь эти мѣста Евангелія съ VI-ой главой Еванг. Іоанна, въ которой Господь давалъ обѣтованіе о св. таинствѣ причащенія. Тамъ Онъ обѣщалъ дать плоть Свою въ снѣдъ (51 ст. VI гл. Іоан.), а здѣсь уже исполняетъ Свое обѣтованіе. Точно также и относительно Его крови...

Такимъ образомъ, на тайной вечера Господь преподавалъ Своимъ ученикамъ не хлѣбъ и вино, а Плоть и Кровь Свою и повелѣлъ сіе творить на всѣ времена...

Теперь разсмотримъ, какъ учили о таинствѣ причащенія апостолы и какъ совершали его первые христіане.

Въ I посланіи Кор. X гл. 16—17 ст. мы читаемъ: «Чаша благословенія, которую благословляемъ, не есть-ли приобщеніе Крови Христовой? Хлѣбъ, который преломляемъ, не есть-ли приобщеніе Тѣла Христова» (16 ст.).

Чего-же яснѣе для насъ, что мы въ таинствѣ Евхаристіи принимаемъ не хлѣбъ и вино, какъ сияются доказать это штундисты, а истинное Тѣло и Кровь Христову.

Еще яснѣе подтверждаетъ это 17 стихъ: «одинъ хлѣбъ и мы многіе становимся однимъ тѣломъ». Какъ это такъ? Далѣе объясняется: «ибо всѣ мы причащаемся отъ одного хлѣба; хлѣбъ—это Тѣло Христово, такъ что всѣ хрістіане, гдѣ бы они ни были и причащались—причащаются одного и того-же Тѣла Христова и поэтому становятся едино».

Сект. Евсюковъ.—Удивительное дѣло, какъ это все дѣлается у васъ? вы вотъ говорите, что въ причащеніи ѣдите не хлѣбъ, а самое Тѣло Христово; такъ вы Его скоро съѣдите всего...

О. Аванасенко. У насъ дѣлается все по слову Божию, и я говорю все это не отъ себя, а отъ Св. Писанія. Если же тебя удивляетъ то обстоятельство, какъ это такъ, Христось часто снѣдаемъ бываетъ и не умалется, но цѣль во вѣки пребываетъ,—тогда, братъ, удивляйся и тому, какъ отъ одной свѣчи зажжешь другія свѣчи, а свѣта въ ней не умалишь.

Одинъ изъ членовъ комитета.—Странный ты человѣкъ, Евсюковъ; ты или не хочешь понимать, или-же понимаешь, да упорствуешь. Вѣдь въ 26 главѣ Ев. Мѡ. ясно сказано: «Христось взявъ хлѣбъ, благословилъ его и, давая ученикамъ, сказалъ: ѣшьте—это Мое тѣло; также и чашу съ виномъ благословилъ и, давая, сказалъ: пейте—это Моя кровь». Какое-же ты и братія твоя имѣете право не вѣрить Самому Христу?!.. Сектанты, потупя головы, молчали и не возражали. Послѣ сего было прочитано отцомъ Аванасенко и объяснено подробно мѣсто изъ 1 посл. Кор. XI гл. 18—30 ст. Въ первенствующей церкви, началъ о. Аванасенко, хромовъ,

по причинѣ гоненій, не было, а богослуженія совершали въ домахъ или же катакомбахъ. Туда христіане приносили хлѣбъ и вино; священники изъ этихъ хлѣбовъ выбирали одинъ лучшій и приготавливали изъ него агнца. Во время такихъ собраний христіанъ выносилось евангеліе на средину дома, читалось и изъяснялось. По прочтеніи евангелія, священникъ выносилъ изъ алтаря хлѣбъ, благословлялъ его и послѣ этого причащаль христіанъ. Точно также и у насъ дѣлается. Читается евангеліе на срединѣ храма; во время «херувимской» выносятся дары на средину храма; затѣмъ эти дары вносятся въ алтарь, освящаются, и тамъ же въ алтарѣ причащаются священнослужители, а затѣмъ причащаются и прихожане.

Отсюда видно, что у насъ сущность богослуженія осталась таже, что была и во времена апостоловъ и первыхъ христіанъ, только въ нашей церкви оно (богослуженіе) болѣе обставлено обрядами, но это существа дѣла не измѣняетъ. Послѣ причащенія, во времена апостоловъ, устраивалась вечеря любви, т. е. остальной хлѣбъ раздробляли и раздавали вѣрующимъ; и въ нашей церкви это осталось въ обыкновеніи:—въ концѣ литургіи священникъ раздаетъ просфору-антидоръ.

Но во время такихъ вечеръ появились безпорядки, какъ говоритъ апостолъ: «нѣкоторые христіане иногда, не дождавшись причащенія св. Тѣла и Крови Господней, ѣли свои приношенія и было такъ, что даже упивались» (21 ст.). Очевидно, что такіе нарушители порядка не почитали евхаристію за святѣйшее таинство и считали хлѣбъ и вино въ этомъ таинствѣ за простую пищу. Апостолъ и говоритъ такимъ: «вы не думайте, что это обыкновенная трапеза, для этого у васъ есть дома (22 ст.). Это вотъ какая трапеза: «Азъ бо пріяхъ отъ Господа, еже и предахъ вамъ, яко Господь Иисусъ въ ночь, въ нюже преданъ бываше, пріемъ хлѣбъ: и благодаривъ преломи и рече: пріимите ядите, сіе есть тѣло Мое, еже за вы ломимое: сіе творите въ Мое воспоминаніе. Такожде и

чашу по вечери, глаголя: сія чаша новый завѣтъ есть въ Моей крови: сіе творите, елижды аще пиете, въ Мое воспоминаніе. Елижды бо аще ясте хлѣбъ сей, и чашу сію пиете, смерть Господню възвѣщаете, дондеже придетъ. Тѣмже иже аще ясть хлѣбъ сей, или пиетъ чашу Господню недостойнѣ, повиненъ будетъ тѣлу и крови Господни. Да искушаетъ же чловѣкъ себе, и тако отъ хлѣба да ясть и отъ чаши да пиетъ. Ядый бо и пійй недостойнѣ, судъ себѣ ясть и пиетъ, не разсуждая тѣла Господня» (1 Кор. XI, 23—29 ст.). Еслибы въ таинствѣ причащенія были обыкновенные хлѣбъ и вино, то какимъ образомъ преступленіе противъ этого таинства было бы преступленіемъ противъ Тѣла и Крови Господней (26 ст.). Значитъ это великое таинство, и кто будетъ приступать къ нему недостойно, говоритъ апостоль, тотъ будетъ ѣсть и пить въ осужденіе себѣ (29 ст.). Оттого многіе изъ васъ «немоцны и больны и не мало умираетъ» (30 ст.)...

Еслибы въ св. таинствѣ причащенія были обыкновенные хлѣбъ и вино, какъ говорите вы сектанты, то неужели недостойно приступающіе къ нему такъ строго были бы наказываемы?...

Итакъ, братія, вы слышали, какъ понималъ и смотрѣлъ на это таинство апостоль Павелъ. Подумайте: справедливы ли вы, когда говорите, что въ этомъ таинствѣ принимается простой хлѣбъ и вино, а не истинная плоть и кровь Спасителя?

Сект. Жукъ.—А скажите намъ, можетъ-ли таинство причащенія произвести какую-либо перемѣну въ чловѣкѣ?

О. Аванасенко.—Несомнѣнно, только эта перемѣна совершается въ чловѣкѣ почти незамѣтно. Это объясняется тѣмъ, что Духъ Святый руководитъ чловѣкомъ не принудительно. Чловѣкъ самъ избираетъ себѣ извѣстный путь и извѣстное дѣйствіе, и если этотъ путь и дѣйствіе не противны волѣ Бога, то Духъ Св. помогаетъ ему; въ противномъ случаѣ, Онъ предоставляетъ чловѣка своей волѣ. Потому-то мы